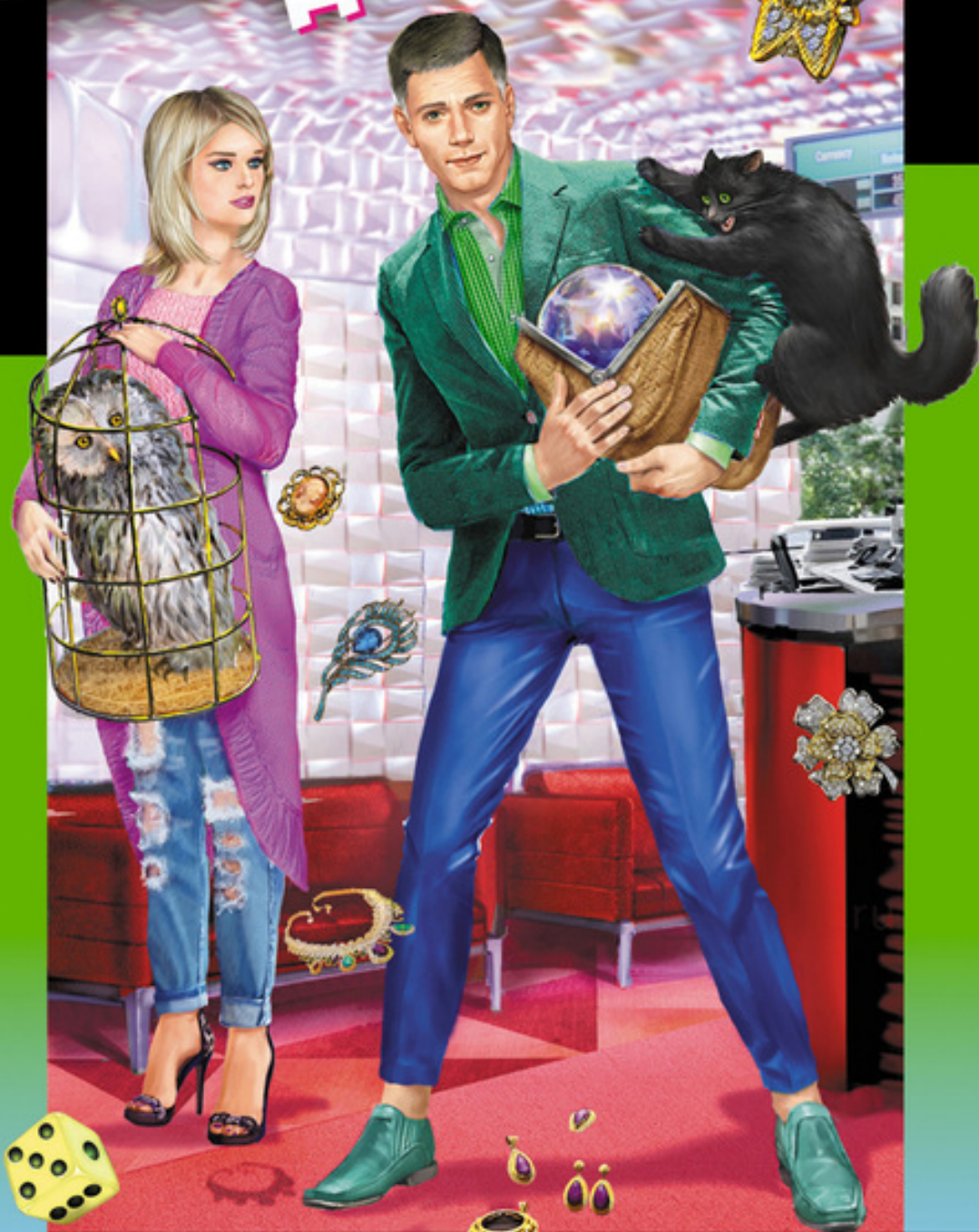

Дарья Донцова

Блог проказника Аомового

Агентство
сыска

Иван Подушкин

Джентльмен сыска Иван Подушкин

Дарья Донцова

Блог проказника домового

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Блог проказника домового / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2018 — (Джентльмен сыска Иван Подушкин)

ISBN 978-5-04-090088-6

Этот день был богат на сюрпризы: маменька Николетта велела Ивану Подушкину немедленно приобрести вещи по присланному списку, в котором значилось: хрустальный шар, клетка с совой, карты Таро, магические камни, перья лысого ежа, черный кот... Иван уже перестал удивляться причудам маменьки – его мысли были заняты новым расследованием. За помощью к нему обратилась Эмма Шмидт: ее мужа Роберта обвиняют в похищении драгоценностей из депозитария банка, где он работал клерком, и организации взрыва ячеек. Все рассказанное Эммой звучало как абсолютно фантастическая история... Вот тут-то Ивана ждал третий сюрприз: ему позвонил олигарх Максим Загорский и предложил взять свою дочь стажером в детективное агентство. Зарплату ей будет платить папенька. Если бы Подушкин знал, во что ввязался!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090088-6

© Донцова Д. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дарья Донцова
Блог проказника домового

© Донцова Д. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

Если малолитражка с буквой «У» на заднем стекле включила правый поворотник, значит, она сейчас поедет налево.

Ярко-красная «букашка» метнулась в сторону моего седана, очутилась прямо перед капотом и тут же, резко притормозив, поползла вперед с черепашной скоростью. Я перестроился в левый ряд, обогнал автомобиль, который только что сделал все возможное для того, чтобы я смял его багажник в гармошку, и увидел открытое окно водительской двери. За рулем сидела симпатичная молодая особа. В одной руке она держала телефон, второй нажимала на кнопки. Я опустил стекло и крикнул:

– Девушка!

Блондинка отвлеклась от отправления эсэмэс и взглянула в мою сторону. Я улыбнулся:

– Разрешите представиться: Иван Павлович Подушкин. То, что вы, предупредив о повороте направо, резко ушли налево, меня не удивило, я заранее приготовился к такой ситуации. Но разрешите дать вам совет. Если вы обогнали кого-то, не тормозите резко, наоборот, нажмите на газ, иначе...

– Да пошел ты! – ангельским голосом перебила меня девица-красавица. – Я не знакомлюсь на дороге с ...!

Я вздохнул, проехал вперед, свернул на парковку и через пару минут вошел в магазин.

Вчера собака Демьянка утащила из гардеробной мой кашемировый пуловер, отнесла его в гостиную на диван, свила из него гнездо и задала в нем храпака. К сожалению, мой помощник во всех делах Борис не заметил, сколь уютно устроилась псинка. И когда он вечером решил вывести собаку на прогулку, тонкая шерсть свитера оказалась порвана, потому что Демьянка взбивала ее лапами, а когти у нее кошачьи, они не убираются. На дворе январь, холодно, желание надеть нечто теплое, мягкое, уютное свойственно не только прекрасным дамам, но и суровым мужчинам. Вот почему я прикатил в магазин «Луиза и Луи». Да, цены в нем отнюдь не демократичные, но настоящий кашемир дешево не купишь.

Я начал бродить по залам, отобрал несколько вещей, поискал глазами продавца и заметил Семена, владельца лавки. Он быстро приблизился ко мне:

– Всегда рад вас видеть, Иван Павлович.

– Господин Занавесин, вы сегодня сами обслуживаете покупателей? – удивился я. – Не царское это дело.

– Грипп служащих подкосил, – пожаловался Семен. – Вчера резко похолодало, народ полетел за свитерами.

– Во всем плохом есть изрядная доля хорошего, – оптимистично заметил я, – много хлопот, но и прибыль растет.

– Ваши слова да богу в уши, – улыбнулся хозяин магазина. – Иван Павлович, обратите внимание на канареечный пуловер.

– Не мой цвет, лучше терракотовый, – возразил я и чихнул от того, что нос уловил запах тяжелых духов.

– «Ночь восточной луны», – сказал Семен, – самый модный аромат сезона. У меня от него голова вмиг болеть начинает.

– Понимаю вас, – кивнул я, – удушающий парфюм.

– Иван Павлович, – продолжил Семен, – вы гениальный частный детектив. Надо помочь одной женщине, Эмме Шмидт. Я оплачу все расходы.

Я опять чихнул.

– Лучше поговорить в тихом месте. От кого так сильно пахнет? Вроде мы с вами здесь одни.

– Возможно, распространитель газового оружия находится за стойкой с товаром, мы даму не видим, – понизил голос Семен. – Вы правы, лучше нам уединиться. Заодно покажу вам новые поступления, мы еще не успели выложить их в зал. Вас не затруднит зайти в подсобное помещение? Вход в него в противоположном конце зала.

– Там, где расположена одинокая, стоящая отдельно от всех кабинка? – уточнил я. – Давно хотел спросить, почему все примерочные в зале слева, а эта справа? Она предназначена для особых клиентов?

– Нет, – засмеялся Семен, – когда мы открылись, то не рассчитывали стать двухэтажным бутиком, который будет головным в сети «Луиза и Луи». Я сделал одну примерочную, вначале ее хватало, но потом расширился, а свою первую кабинку оставил как память о начале бизнеса.

Семен подвел меня к двери с табличкой «Только для персонала» и вдруг пробормотал:

– Ага...

Я обернулся:

– Что-то не так?

Хозяин быстро открыл дверь:

– Заходите. Кажется, я заметил магазинную воровку.

– Да? – удивился я. – Как вы поняли, что посетительница не чиста на руку?

Семен открыл глазок в двери.

– Полюбуйтесь. Что вы думаете? Ваше мнение по поводу сей красавицы?

Я прильнул к отверстию.

– О! Я видел недавно эту девушку, она чуть не устроила аварию на дороге. У нее одна из самых дорогих «женских» иномарок, модные одежда, сумка, обувь. В руках она держит гору кашемира. Скорей всего блондинка или удачно вышла замуж, или у нее богатые щедрые родители. Понимаю, дама с липкими лапками, которая промышляет в бутиках, должна достойно выглядеть, иначе ее просто не пустят внутрь. Но эта покупательница не похожа на воровку, она явно из нуворишей. Зачем разбойничать, если кошелек полон?

Семен усмехнулся:

– Иван Павлович, среди тех, кто уносит товар, «забыв» заплатить, много женщин с золотыми кредитками в кошельках. Почему они крадут, если легко могут расплатиться? Одних жестко контролируют мужчины, выдают на личные расходы строго фиксированную сумму. Другим нужен драйв, им скучно жить, стянут платье и хвастаются перед подружками: «Вот что унесла и ни копейки не заплатила».

– Но эта девушка выглядит мило, у нее почти детское лицо, – возразил я. – Правда, она не стесняется произносить площадную брань. Но употребление мата и воровство не всегда идут рука об руку.

В моем кармане звякнул мобильный, прилетело эсмэс, текст которого меня озадачил: «Как какает павлин?» Я перечитал послание несколько раз и призадумался. Телефона отправителя в моих контактах нет. Увы, встречаются люди, которые от скуки шлют глупости на номер, который они набрали методом «тыка». Нажали пальцем куда ни попадя, и... получил Иван Павлович вопрос: «Как какает павлин?» Сейчас заблокирую на всякий случай сей номер...

Но сделать задуманное мне не удалось, потому что Семен посмотрел в глазок и шепнул:

– Иван Павлович, предлагаю пари. Если покупательница срежет защиту, вы поможете Эмме Шмидт, о которой я вам только что говорил, у нее мужа посадили. Коли девица просто померяет свитера, я подарю вам любой мужской пуловер на выбор.

– Кто же откажется получить зимой прекрасную теплую вещь? – улыбнулся я. – Приезжаю к вам третий раз за последние две недели, все ждал новых поступлений. Наконец-то они появились. И я могу даром получить свитер? По рукам.

Семен открыл дверь:

– Пойдемте к охране.

Через пять секунд мы очутились в небольшом помещении, где в окружении телевизоров сидел парень.

– Вова, включи нам первую кабинку, – попросил хозяин.

– За тем, как покупатели переодеваются, ведется наблюдение? – удивился я. – Разве это позволительно?

Семен сложил руки на груди.

– За раздевалками в центре зала мы не следим, потому что около них всегда присутствуют два сотрудника. Один проверяет количество вещей, отобранных для примерки, если их больше трех, он просит оставить остальные на стойке, потом сам забирает то, что не подошло, и подает еще не примеренное. Второй продавец постоянно ходит между примерочными, которые закрыты занавесками, а не дверями. Если вдруг откуда-то донесутся странные звуки, консультант подойдет и спросит: «Вам помочь?» Он пресекает не только воровство, некоторые посетители использует раздевалку не по назначению.

– Сексом там занимаются, – уточнил охранник. – Вот придурки!

– А около первой примерочной никого нет, – продолжил Семен, – и она с дверью. На первый взгляд идеальное место для вора. Но нечистый на руку человек понятия не имеет о камере. Согласен, подсматривать за тем, кто меряет одежду, некрасиво. Однако не хочется терять дорогой товар. И почему мне лицо красотки знакомо?

– Она в зале несколько дней шныряла, – сказал секьюрити, – я заметил девчонку. Ходила, все рассматривала, с Нинкой болтала. Не нравится мне Нина, она хитрая, жадная, противная. Такая легко с ворами скорешится, помогать им станет. Во наглая! Гляньте! Ваше стыд потеряла!

Я посмотрел на экран и не поверил своим глазам! Блондинка вынула из сумки небольшой приборчик, поднесла его к пластмассовому кружку, который висел на пуловере... Раз! «Защита» отвалилась. Девушка проделала операцию трижды, потом сняла свою бесформенную кофту, надела одну за другой все дорогие вещи, сверху опять нацепила балахоноподобный наряд, одернула его, повертелась у зеркала, улыбнулась, скорчила гримасу...

– Нахалка чумовая! – возмущился Владимир. – Как правило, воры подозревают, что наблюдение есть. Так что они делают? Возьмут вещи, в придачу к ним пару больших шалей. Наденут свитер, сверху шали набросят, вроде их меряют, а сами незаметно защиту скovyрнут. И так несколько раз. Потом с одной шмотки бипер снимут, в карман положат, пуловер натянут, на него свою куртку. А прикид, в котором пришла, оставят на горе брошенных вещей в кабинке. Выйдет красотка в зал, бипер куда-нибудь сунет – и на улицу. Если ее остановят в дверях, она заморгает: «Ой! Простите! Замерялась совсем. Свою кофточку любимую в примерочной бросила, в вашей случайно ушла. А почему она не звенела?» И не придерешься к ней. Защиты на пуловере нет, в кабинке бипер не брошен, старое барахло покупательницы валяется на стуле, на остальном товаре «сторож» на месте. Ну, перепутала! Бывает. Полицию вызывать бессмысленно, все как случайность обставлено. А эта! Наглая морда! В открытую! Словно хочет, чтобы ее поймали! Беспредельщица!

– С ума сойти, – пробормотал я, – профессиональная воровка! Одета так, чтобы посторонние не заметили, что красавица «капуста», носит при себе инструменты. У девушки ангельский вид! Ну как же так?

– Ох, Иван Павлович, честное слово, завидую вам, – усмехнулся Занавесин. – С течением лет вы ухитрились не потерять наивности и веры в то, что все люди порядочные, а если они воруют, то делают это исключительно из необходимости купить голодным деткам хлеба. Пойдемте, поймем тыщицу за руку.

Глава 2

– Чего надо? – возмутилась девица, когда Семен преградил ей путь.

Я чихнул. В воздухе снова повис аромат удушающего парфюма «Ночь восточной луны».

– Пожалуйста, расстегните куртку и поднимите свой пуловер, – попросил Семен.

– Не имеете права обыскивать покупателей, – отказалась блондинка. – Чтобы я хоть нитку здесь после вашего хамства купила! Да никогда! Вот, держите!

Девушка швырнула на пол кучу пуловеров, которые несла в руках. Семен быстро зашел в кабинку.

– Право, некрасиво бросать вещи, – сказал я, – и не к лицу юной прелестной особе вести себя подобным образом.

Блондинка прищурилась:

– Здравствуй, совесть мира! Отвянь. О! Я тебя узнала, на дороге ко мне клеился. Не вышло на шоссе, так решил в магазине продолжить? До свидос!

Семен вышел из примерочной:

– Не смею вас задерживать, сейчас провожу до кассы.

Я поразился до глубины души, но ничего не сказал. Наша маленькая компания достигла турникета, который покупатели должны миновать, чтобы оказаться на улице. Воровка спокойно двинулась вперед. Раздался противный звук.

– Простите, сделайте еще одну попытку, – сказал охранник.

– Из-за глюка аппаратуры я должна туда-сюда бегать? – зашумела блондинка.

– Пожалуйста, пройдите еще раз, – вежливо, но твердо попросил секьюрити.

Девица скривилась, но повторила попытку, и опять завыл зуммер. Семен развел руками:

– Мы не имеем права обыскивать покупателей. Но поскольку аппаратура бесперебойно реагирует на посетительницу, я вынужден отвести вас в служебное помещение и вызвать полицейских. Они с соблюдением буквы закона проведут личный досмотр.

Воровка хотела кинуться к выходу, но охранник схватил ее за руку. Вскоре мы сидели в кабинете Семена, он спокойно сказал девице:

– Полагаю, украденные вещи вы надели на себя, защиту срезали, но один бипер не заметили, или он случайно попал в вашу сумку. Поэтому прозвучал сигнал тревоги.

– Ха! Не врите! – заорала красавица. – Я очень аккуратно все ощупываю и...

Тут до нее дошло, что она на пике эмоций призналась в воровстве. Девица закрыла рот, зато открыла сумку, вытряхнула содержимое на диван. На кожаную подушку вывалились: кошелек, права, пудреница, расческа, губная помада, горсть конфет, гора оберток от шоколадок, мобильный и... пластмассовая «кнопка», которая «стережет» непроданный товар.

– Во!.. – выпалила красавица. – Откуда защита взялась? Я же ее...

Очаровашка снова прикусила язык.

– ...срезала, – продолжил за нее Семен, – вы бросили биперы в кабинке на пол, рядом, очевидно, стояла сумка, один случайно в нее и угодил. Бывает. Случается. Бог шельму метит. Ну, и как мы поступим?

Девушка вынула мобильный:

– Па! Это я! Па! Ну... мне деньги нужны... там нет... ой, па, стой.

В мою ладонь ткнулась трубка.

– Объясните папахену сами, – плаксиво протянула девица, – плиз!

Вместо того чтобы ощутить неприязнь к наглой особе, я почему-то ее пожалел и приложил телефон к уху:

– Добрый день! Разрешите представиться, владелец частного детективного агентства Иван Павлович Подушкин.

– Во!.. – подпрыгнула блондинка. – Сыщик!

– С кем имею честь общаться? – спросил я.

– Максим Петрович Загорский, отец несчастья по имени Наталья! Что на сей раз? – произнес приятный баритон.

– К прискорбию, должен вам сообщить: ваша дочь пыталась вынести из магазина несколько дорогих кашемировых свитеров, – пояснил я. – Поверьте, у владельца бутика нет ни малейшего желания приглашать полицию. Он настроен решить вопрос миром.

– Как? – коротко спросили из трубки.

Я передал телефон Семену.

– Хозяин магазина на проводе, – представился Занавесин. – Оплатите товар в десятикратном размере. Обещайте никогда не переступить порога ни одного моего магазина, их в Москве пятнадцать. И забирайте свою дочь. О'кей. Ясно. Мы принимаем только рубли. Сейчас пришлю вам эсэмэской сумму. У вас времени до пяти вечера. Если деньги не придут, я вызову полицию, оформим протокол. Отлично. Я рад такому решению.

Семен положил трубку на стол и взял паспорт воровки.

– Наталья Максимовна...

– Владимировна, – с вызовом поправила воровка. – Я живу с отчимом. Моя фамилия Коркина. Да, в паспорте указана другая. Меня в раннем детстве удочерили! Не спросив моего желания!

В кабинет заглянул крепкий мужчина.

– Звали, Семен Михайлович?

– Да, Петя, – кивнул владелец лавки. – Усади Наталью Владимировну в вип-приемной на третьем этаже. Вели подать ей чай-кофе, составь девице компанию. Ни под каким предлогом не оставляй ее одну. Попросится в туалет, дежурь около унитаза. Пусть она снимет наш товар, пересчитай единицы. Вскоре приедет шофер ее отца, привезет деньги. За каждый ценник бери бабки в десятикратном размере. После оплаты упакуй приобретения, проводи госпожу Коркину на выход. Надеюсь, более мы с ней не встретимся.

– Наши желания совпадают! – гаркнула нахалка и удалилась.

Когда дверь за ней захлопнулась, Семен радостно констатировал:

– Ну, Иван Павлович, вы проиграли.

Я поднял руки:

– Признаю свое поражение.

– Поговорите с нашим главбухом? – попросил Занавесин. – Очень ваша помощь нужна. Сразу предупреждаю: Эмма имеет достойную зарплату, но в связи со всем этим кошмаром денег у нее нет. Я оплачу все расходы, не сомневайтесь.

Спустя минут пять дверь кабинета приоткрылась, появилась худенькая, почти прозрачная женщина.

– Можно?

– Входи, – кивнул Семен. – Знакомься. Это лучший детектив России Иван Павлович Подушкин. Он точно тебе поможет. Ну, я пошел в зал, а вы тут пошушукайтесь.

– Добрый день, – начала главбух, – меня зовут Эмма Фридриховна Шмидт, я родилась в семье этнических немцев. Дедушка был солдатом вермахта, его под Москвой взяли в плен, отправили сначала в лагерь, потом выяснили, что он преступлений не совершал, был простым рядовым, ипустили его жить под надзором в городке Курлинск. До призыва в армию Франц Шмидт работал учителем в гимназии. Когда в Москве в пятидесятых годах решили открыть школу, где преподавание велось исключительно на немецком, из разных мест в столицу прислали бывших военнопленных педагогов. Дед стал завучем, обрусел, женился, родился мой отец. Спустя годы появилась внучка, то есть я, которая вышла замуж за Роберта Шмидта. У жениха и у меня фамилии одинаковые. Вот так. Я главбух, Роберт служил в банке «Крос». У

нас хорошая семья, но жилищные условия были ужасные. Родители Роба умерли, свою двушку они завещали дочери Терезе. Сыну ничего не досталось, его отец и мать считали, что он может и обязан сам пробиться, а у Терезы вне брака родилась двойня. Добрая сестра брата живо вон выставила. А я после смерти папы с мамой жила в комнате в коммуналке. Площадь большая, с балконом, в центре столицы, но под боком еще четыре соседа. Трое жилье сдавали приезжим.

Эмма махнула рукой:

– На кухне Средняя Азия просто. Пока нас с мужем двое было, еще ничего, потом семья увеличилась. Мы давно мечтали о собственном угле. У нас двое маленьких детей, на повседневные расходы хватает, а накопить не получается.

Я терпеливо слушал рассказ Эммы, ожидая, когда она наконец-то доберется до сути проблемы. Но вскоре понял: она не зря болтает, вся информация имеет самое непосредственное отношение к тому, что случилось в семье Шмидтов.

Некоторое время назад Роберт торжественно сказал жене:

– Эмик, поехали.

– Куда? – спросила она.

Муж молча взял ее под руку, они долго тряслись в метро, потом Роберт довел Эмму до новостройки, они вошли в подъезд, он открыл ключом дверь и сказал:

– Осматривай наши апартаменты.

– Чьи? – ахнула Эмма.

– Наши, – повторил Роб. – Твои и мои.

Эмма, не веря своим глазам, пробежала по комнатам.

– Господи! Огромная кухня, гардеробная, кладовка, лоджия! Здесь можно сделать детскую, там нашу спальню, слева гостиную. Роб! Это шутка? Да? Или сон?

– Нет, – улыбнулся супруг, – это правда. Реальность.

– Господи, – перепугалась Эмма, – такое жилье стоит целое состояние. Откуда у нас деньги?

Роберт рассказал жене следующую историю.

Некоторое время назад его вызвал Игорь Кириллович Маслов, начальник департамента кредитования, и сказал:

– Роберт Германович, руководство нашего банка объявляет внутренний закрытый конкурс. Для участия в нем директорат отобрал несколько человек, лучших из лучших. Тому, чей проект победит, достанется в качестве награды новая квартира. Половину ее стоимости оплатит банк, а вторую сам владелец, ему «Крос» предоставит беспроцентную ссуду. Апартаменты выделяет один из наших клиентов, владелец крупного строительного бизнеса, поэтому стоимость квадратного метра не рыночная, а значительно ниже.

– Сказка просто, – выдохнула Эмма, – или розыгрыш.

– Сам так подумал, – признался Роберт, – но беседу вел Маслов, а он не из тех, кто языком мелет. Серьезный мужик. Не болтун. И шутить он вообще не умеет. Я очень постарался, выполнил конкурсное задание. Честно говоря, не рассчитывал на победу. Начальник департамента мне имен соперников не открыл, но понятно, что они из топ-менеджмента. Я вообще не понимал, почему допущен к конкурсу, это не мой уровень. Я исполнительный клерк, не более того. Но когда я выиграл, Игорь Кириллович объяснил: меня позвали для эксперимента. Надеялись, что человек, который никогда не сидит на стратегических совещаниях, нестандартно посмотрит на проблему. И мне это удалось.

Не веря собственному счастью, боясь, что все это сон, Эмма запаковала нехитрое имущество, и Шмидты перебрались в хоромы.

Глава 3

Но не успела Эмма осознать, что является владелицей шикарного жилья, как в банке случилась беда.

В «Кросе» есть залы с ячейками. Один большой – для всех. Второй значительно меньше, с отдельным входом – в противоположной стороне подвала, там арендуют сейфы VIP-клиенты. Днем около входа в зону ячеек дежурит охрана, мимо которой без разрешения даже муха не пролетит. Но на ночь секьюрити уходят. Хранилище расположено в подвале, здание банка последнее на улице, с трех сторон его окружает сквер, где любят гулять мамы с детьми, с четвертой проходит шоссе. Лифт на минус первый этаж не идет, вход на лестницу блокирует надежная сейфовая дверь, вокруг висят видеокамеры, у главного входа в банк дежурит круглосуточный пост. В восемь вечера, когда последний сотрудник покидает здание, тщательно запирается доступ ко всем подъемникам, с помощью которых можно попасть на разные этажи, перед ними опускаются стальные решетки. Такая же защита на лестницах и у главного входа. Если кто-то позвонит в дверь, охрана сразу увидит, кто в неурочный час жаждет войти в банк. Понятное дело, его не впустят. До утра «Крос» неприступен, как форт.

Представьте изумление и ужас охраны, когда утром перед началом работы в зону VIP-ячеек вошел один из секьюрити и с воплем «Ограбили!» вылетел наружу. Его коллеги ринулись внутрь, перед ними открылось шокирующее зрелище. Дверцы многих ячеек были вырваны, на полу валялись документы, коробки, деньги, одна секция с железными шкафами лежала на полу.

Понятное дело, на место преступления прибыли специалисты, началось следствие. Когда приехавшие эксперты разобрали завалы на полу, подняли упавшую конструкцию, под ней обнаружилось тело Стеллы Григорьевой, заведующей депозитарием. В процессе дознания всплыло имя Роберта Шмидта. Отпечатки его пальцев обнаружили на ручке двери VIP-зала, на выключателе. Шмидт не входил в немногочисленную группу работников, которые имели доступ в VIP-отсек. Довольно быстро установили, что причиной разгрома в комнате и смерти сотрудницы явился взрыв. Устройство, которое его вызвало, находилось в одной из ячеек упавшей секции. Стелла приблизилась к сейфам. Далее не понятно. То ли она хотела открыть ячейку, то ли просто стояла в неподходящем месте. Григорьеву убило взрывом, она упала на пол, сверху на нее свалилась стойка. И вот основная улика: на останках ячейки, в которой находилась взрывчатка, тоже нашли «пальчики» Роберта.

Эмма, конечно, знала, что стряслось в банке, муж рассказал ей об ограблении. Но она пребывала в уверенности, что супруг ни малейшего отношения ко всему этому не имеет. Арест Роберта стал для нее шоком. Некоторое время от него не было никаких вестей, потом госпожу Шмидт вызвал следователь. На растерянную, ничего не понимающую, испуганную бухгалтершу упала лавина ужасной информации. Роберт, по мнению следователя, был организатором преступления. Он после окончания рабочего дня затаился в служебных помещениях, не ушел домой, а ночью заложил в VIP-зоне взрывчатку. Зачем он это сделал? В хранилище держал уникальные драгоценности Вениамин Шанхаев. Коллекция находилась в банке по требованию страховой компании, которая не хотела выплачивать миллионы долларов владельцу, если кольца-ожерелья украдут. Ежу понятно, что Шмидт охотился за золотом с камнями. Эксперты нашли массу осколков камушков, частей оправ разных цапек. Сейф Шанхаева находился прямо над ячейкой, где случился взрыв. Как выяснилось, в одном из соседних отсеков хранились не имеющие особой материальной ценности изделия из позолоченного металла, недорогих камней, которые издали выглядели роскошными изумрудами и рубинами. Бижутерия принадлежала умершей знаменитой оперной певице, матери VIP-клиентки.

Если бы колъе из эрзац-голдена¹ с ограненным горным хрусталем носила простая гражданка, его дорого не продали бы. Но вещи солистки, у которой до сих пор миллионная армия фанатов, оцениваются очень высоко. Исполнительница партии Татьяны Лариной и других заглавных партий обожала все блестящее. Почему она не покупала настоящие драгоценности? Ну, этот вопрос следователь задавать не стал. Хотя и так понятно: у примы на шее сидела огромная семья бездельников. Ей элементарно не хватало денег. К чему столь длительный рассказ о голосистой даме? А к тому, что ее сокровищ было много, они еле-еле влезли в ячейку. Часть того, что люди хранили в сейфах, погибла при взрыве, энное количество превратилось в крошево, осколки разной величины усеяли все вокруг. Пожалейте экспертов, которые собирали каждую частичку. Естественно, от уникалов в ячейке Шанхаева должно было остаться хоть что-то. Ан нет! Все привезенное в лабораторию являлось чем угодно, но не дорогими камнями и золотом-платиной. Напрашивался вывод: в вип-зоне найдены отпечатки пальцев Роберта, который не имел туда доступа. И следов раритетов Шанхаева там нет. Вывод: Шмидт украл ювелирную коллекцию и потом взорвал сейф. То, что на месте преступления должно обнаружиться хоть немного осколков, преступник, далекий от криминалистики, не подумал.

Следователь Лев Сергеевич Боронов разговаривал с Эммой жестко, задавал вопросы: откуда у семьи новая квартира, деньги на мебель?

– Муж выиграл ее в конкурсе, который объявил банк, полстоимости за жилье внесло его начальство, – лепетала Эмма, – на вторую часть нам дали беспроцентную ипотеку.

Эмму отпустили, но через день снова велели приехать. Лев Сергеевич налетел на бедняжку, как гриф.

– Никакого конкурса и в помине не было, никто о нем не слышал.

– Игорь Кириллович знает, – возразила Эмма, – он с Робом беседовал.

– Давайте начистоту, – вкрадчиво произнес Боронов. – Роберт Германович – сотрудник среднего звена, его никак нельзя считать топ-менеджером. С какой стати приглашать середняка участвовать в закрытом конкурсе для лучших специалистов?

– Маслов объяснил, что директорат хотел знать мнение человека, который не бывал на совещаниях у руководства, – прошептала Эмма. – В рабочие дела Роба я никогда не лезу, подробности не расскажу. Но знаю, что мой муж очень умный, по служебной лестнице он не поднимался из-за отсутствия нужных знакомств.

Лев Сергеевич начал водить мышкой по коврику.

– Игорь Кириллович сообщил, что Шмидт – отличный исполнитель, нужный винтик в машине, ни разу на службу не опоздал, но никогда не задерживался в офисе. Это так?

– Да, – согласилась Эмма. – Роб пунктуальнее самолета. Его рабочий день завершался в девятнадцать ноль-ноль. В восемь супруг всегда входил в дом, выгуливал собаку, ужинал, помогал мне детей укладывать, потом мы телевизор смотрели.

– В подъезде вашего дома дежурит консьержка, – не утихал Боронов, – Мальцева Екатерина Николаевна.

– Да, баба Катя, – согласилась Эмма.

– Она уходит домой в двадцать ноль-ноль, – продолжал Лев Сергеевич, – лифтерша прекрасно знает господина Шмидта, пять раз в неделю она с ним на пороге сталкивается, и происходит всегда один и тот же диалог: «Добрый вечер, вы домой уходите». – «Добрый вечер, а вы домой уже пришли». За короткое время, что вы живете в новой квартире, Екатерина Николаевна привыкла к встречам с Робертом, они стали традицией. Но! Вечером, накануне ограбления банка, Роберт, точный, как космический корабль, в двадцать ноль-ноль в подъезд не вошел. Мальцева подумала, что он уехал в командировку. И она очень удивилась, когда на следующее утро, придя на работу, столкнулась со Шмидтом, который как раз входил в подъезд.

---

¹ Эрзац-гоlden – позолоченный металл, который часто используют для создания дорогой бижутерии.

– Да, – согласилась Эмма. – Роберт появился, когда дети в школу собирались. Он мне вечером позвонил, сказал, что его попросили отвезти пакет. Поэтому и задержался, ездил в Подмоскowie.

– Разве ваш муж курьер? – вздохнул следователь. – И вот странность! Сверток клерк доставлял именно в день ограбления. Знаете, что я думаю? Роберт ушел из банка, это подтверждает охрана, потом, пока мы не знаем как, он проник назад, украл ювелирку, заложил взрывчатку и покинул помещение. Но, на беду, именно в этот момент приехала Стелла. В появлении ночью начальницы депозитария нет ничего необычного. Вип-клиенты имеют круглосуточный доступ к своим сейфам. Если банк завершил работу, они просто звонят Стелле, та приезжает и открывает хранилище. Ее и по ночам вызывают. В день, когда пропали драгоценности Шанхаева, Григорьева позвонила в дверь банка, ей, естественно, открыли. Электронная система зафиксировала ее появление, Стелла расписалась в книге. Короче, были соблюдены все необходимые формальности. Более в «Крос» никто ночью не заявлялся. Почему секьюрити не смутило отсутствие клиента и то, что Стелла не вышла? В обязанности охраны не входит следить за начальницей депозитария. Мало ли зачем Григорьева направилась в подвал! Она имеет на это право и может сидеть в зале ячеек сколько ее душе угодно. Некоторые клиенты доверяют ей забирать их вещи или класть что-то в сейф.

Лев Сергеевич постучал ладонью по столу.

– Учитывая все вышесказанное, суммирую. Вашему мужу заплатили за взрыв и кражу ювелирки. Полученную сумму он потратил на квартиру. Нет никакой ипотеки. И не было. Маслов о беспроцентной ссуде клерка не слышал. Кстати, за апартаменты Шмидт перевел полную стоимость, не оплачивал вторую половину частями. Не стоит вам радоваться, скорей всего жилье конфискуют. Ступайте пока домой.

– Почему «пока»? – затряслась Эмма.

– Муж и жена – одна сатана, – отчеканил Боронов. – Роберт Германович совершает дорогую покупку, а вы в неведении? Полагаете, что мы не сможем доказать, что вы знали о планах преступника? Ступайте домой. Пока.

Эмма ушла, не чуя под собой ног, утром явилась на работу вся в слезах. Семен стал расспрашивать ее, пришел в негодование, позвонил адвокату. Тот мигом приехал и успокоил Эмму:

– Не рвите нервы в клочья. Это обычный прием. Следаки любят доводить родственников подозреваемых до истерики, запугивать их. Цели у полицейских разные. Одни хотят выщипать взятку, другие надеются из членов семьи нужную информацию вытянуть. Что Боронову надо, я пока не знаю, но скоро выясню. Одна вы более к нему не ходите. Теперь я вас буду сопровождать.

Но Лев Сергеевич оставил Эмму в покое. Не стоит думать, что он устыдился своего поведения и решил не третировать мать двух несовершеннолетних детей. Следователь притих из-за того, что Роберт решился на самоубийство. К счастью, его попытка не удалась, клерка в бессознательном состоянии вынули из петли.

Собеседница закрыла ладонями лицо.

– При СИЗО есть медпункт. Но какой там врач? Роба просто на койку положили, ждали его смерти. Но он вопреки всему не умер. Несколько дней был без помощи... Спасибо адвокату, тот такой шум устроил. Сейчас Роберт лежит в платной клинике, дышит сам, но не приходит в сознание. Доктора поражены: чудо, что мой супруг выжил. Как правило, те, кто вешается, сразу умирают. А у нас есть надежда на восстановление мужа. Спустя недели две после того, как Роба определили в хорошую больницу, в наш почтовый ящик бросили письмо. Вот, читайте.

Эмма открыла сумочку, достала конверт и протянула мне.

Я вынул помятый тетрадный листок и стал разбирать текст, написанный шариковой ручкой:

«Мурзелька! Не верь. Я не виноват. Я устроил взрыв? Господи! Мурзелька! Да я лампочку ввернуть не могу. Да, во время срочной службы меня приписали к саперам. Но это только на бумаге. В реальности меня отправили к генералу денщиком. Мурзелька! Я ни одной мины не видел, а в личном деле записано, что я стал взрывотехником. Домработником я два года пахал. А документы, что я курс взрывных наук освоил, мне генерал дал, я в анкетах обязан указывать: военнообязанный, взрывотехник. Мурзелька! Ты же у нас все дома чинишь! Я у тебя леворукий. Мне не верят. Обещают пожизненное заключение. Сказали: ипотеки нет. Как? Я ее платил! Они говорят: «Нет». Игорь Кириллович предложил мне участвовать в конкурсе. Следователь спросил: «Кто еще кроме вас состязался?» Так я не знаю! Маслов фамилии участников не называл. Сообщил только: «Конкурс закрытый, для самых лучших сотрудников». Все. Мурзелька! Разве просто так квартиру дадут? Я платил ипотеку! А теперь нет следов денег. Но я их приносил! Честное слово! Отдавал Игорю Кирилловичу. Лично. Я же тебе все рассказывал. Что происходит? Не понимаю, Мурзелька! Со мной в камере очень умный человек сидит. Юрист крупной корпорации. Он четко объяснил: мне с такими уликами светит большой срок. Навряд ли пожизненное. Но дадут много. Ты станешь женой уголовника, Катя и Герман детьми преступника. Понимаешь? Мурзелька! Семен – порядочный человек, но держать главбухом женщину, муж которой депозитарий взорвал, он не станет. И никто не пожелает. И на детей клеймо. Мурзелька! Я принял решение. Если уйду до того, как меня отдадут под суд, то никто не имеет права Шмидта преступником считать. Этот штамп ставит судья. До вынесения приговора я честный человек. Мурзелька! Я люблю тебя. Я люблю Катюшу и Германа. Я сам принял это решение. Так будет лучше для всех. В первую очередь для меня. Сидеть за колючей проволокой, знать, что семья голодает... И квартиру отнимут. А комнату мы продали, чтобы деньги в ипотеку вложить. Вы очутитесь на улице. Нет! Мурзелька. Я люблю тебя. Я люблю детей. Я ничего плохого не совершал. Не верь следователю. Не верь. Мне жаль Стеллу, она была хорошая девушка, умная, молодая, а уже начальник. Пожалуйста, верь мне. Ребятам скажи, что папа уехал в командировку. А там ему плохо стало. Сердце отказало. Инфаркт. Тело тебе отдадут. Мне тут рассказали: труп осужденного родственники не получают. А я честный человек. Мне приговор не зачитывали. Квартиру не отнимут. Мурзелька, ты мать двоих несовершеннолетних детей, апартаменты – единственная недвижимость в нашей собственности. Не отнимут их. То, что ипотеки нет, против меня работает. Но раз ее нет, то и долга банку нет. Здорово! Я люблю тебя, Мурзелька. Я люблю детей. Все. Я ушел. Ваш папа. Твой Мурзень».

Я оторвался от сумбурного текста.

– Это наши тайные прозвища, – прошептала Эмма, – папа Мурзень, мама Мурзелька. Роб не мог сделать то, что ему приписывают. Невозможно это. Знаете, даже консервные банки я сама открываю. Муж вечно открывалку не так ставит, ломает ее или пальцы режет. Роберт замечательный человек, лучший отец и супруг, но он не способен ничего руками делать. Есть мужчины, которые сами люстру вешают, шкафы чинят... А у нас этим я занимаюсь, научилась дрелью профессионально орудовать. Зато Роб, как с работы придет, сразу детей в охапку. Уроки он с ними делает, книги они вместе покупают, готовят. Муж кулинарные рецепты собирает, роскошно буженину запекает, ребята мясо чесноком шпигуют. По выходным мы всегда то в музей, то в парк, то в театр ходили. Понимаете, гвоздь вбить или шуруп в дюбель ввернуть я могу, на крайний случай мастера позову. А где такого отца детям найти?

Эмма молитвенно сложила руки:

- Вы же нам поможете? Найдете настоящего бандита, того, кто взрыв устроил?
- М-м-м, – протянул я.
- Он точно связан с банком, – вдруг сказала Эмма и чихнула.
- Почему вы так решили? – заинтересовался я.

Она начала теребить край рукава.

– У нас хороший дом, но стоит на отшибе, район не самый благополучный. Консьержка есть, но она, скажу прямо, ленивая. Придет утром, когда все на работу бегут, посидит пару часиков и куда-то смоемся. Вернется часам к четырем. К сожалению, в подъезд заходят вандалы. Они регулярно ломают домофон, а еще поджигают почтовые ящики.

Эмма открыла сумку и вынула файл, в котором лежал обгоревший листок.

– Вчера опять кто-то со спичками баловался. Вот что я нашла.

Я взял протянутый файл. «Роберт невиновен. Его подставили. Преступник в банке...»

– Дальше все сгорело, – пояснила Шмидт.

– Вы показывали это следователю? – спросил я.

– Нет, – ответила Эмма, – нашла вчера перед сном. Роб уже был в больнице. Я к Боронову ни за что не пойду. Он уверен, что мой супруг виновен. Помогите нам.

– Следователь говорил с Масловым? – уточнил я.

– Да, – прошептала Эмма, – а тот сказал: «Шмидт врет. Все неправда. В вип-зал я его не посылал. Пакет не давал. Про конкурс никогда не слышал. Кредит ему не давал».

– Надо побеседовать с Масловым, – вздохнул я.

– Не получится, – еле слышно пролепетала собеседница, – я не успела вам еще рассказать. Он погиб.

– Умер? – уточнил я.

– Его грабитель убил, – пояснила Эмма. – Сейчас объясню. По телевизору об этом в программе про криминал рассказывали. Игорь Кириллович позвонил жене, сказал: «Сейчас поставлю машину в гараж и приду, грей ужин, я голоден как волк».

Супруга поспешила к плите, муж все не появлялся, а его мобильный почему-то оказался выключен. Сын начальника департамента пошел к гаражам и увидел тело отца. Полиция ни на секунду не усомнилась, что тот стал жертвой угонщика. Игоря ударили сзади по голове тяжелым округлым предметом, возможно, палкой. Бедняга умер почти мгновенно. У него были вывернуты карманы, пропали часы, золотой нательный крест, платиновый зажим для галстука, кошелек, мобильный. И гараж оказался пуст, новый автомобиль угнали. Ужасно! Его бедная жена теперь вдова.

Шмидт чихнула, я сделал то же самое.

– Простите, я так отреагировал на запах духов, который плавает в воздухе.

– Вы тоже его ощущаете? – оживилась главбух. – Ужасный аромат. Какие-то модные духи, ими многие обливаться стали. У нас в бухгалтерии их Нина купила, так все взмолились: «Не пшикайся на работе». Тяжелый парфюм, въедливый, от него вмиг голова болеть начинает. А в последнее время им то в магазине, то в метро, то в подъезде воняло, когда я обгорелое письмо вынула. У меня от стресса обоняние шалит и нервы ни к черту, мне стало казаться, что в спину чьи-то глаза смотрят. Роб сейчас без сознания, но он специально в себя не приходит, потому что понимает: как только очнется, следователь его хватить! Муж очень умный, поэтому и не хочет очнуться. Но когда вы найдете настоящего преступника, тогда я приеду в клинику и скажу: «Мурзень! Клеймо преступника с тебя сняли. Настоящий мерзавец за решеткой». Вот тогда он сразу глаза откроет, и мы вместе уедем к нашим детям, которым папа очень-очень-очень нужен. Да? Верно я говорю?

В глазах Эммы горела такая надежда, такая вера в выздоровление мужа, такая уверенность, что, услышав о своем оправдании, ее любимый Мурзень мигом вскочит с больничной койки, что я не нашелся что ответить. Я впервые за свою карьеру детектива растерялся и лишился дара речи.

Слава богу, что именно в этот момент из коридора послышался голос:

– Эмма! Куда ты подевалась? Софья Абрамовна приехала!

Шмидт вскочила:

– Простите, я вынуждена уйти.

Дверь хлопнула, а в моем кармане запищал сотовый. Я достал его. «Ваня, ответь же! Время уходит. Как павлин какает?» Меня охватило удивление. Номера в контактах нет, но человек меня знает, обращается по имени. Но ведь можно поменять набор цифр и забыть сообщить об этом приятелям. Ну почему многие люди не подписывают эсмэски? Они думают, что по фамилии, которая высветится на экране, я пойму, кто меня беспокоит. Но может ведь получиться, как сейчас!

Я быстро написал: «Добрый день, кто вы? Представьтесь, пожалуйста. Иван Павлович». Ответ прилетел мгновенно: «После всего, что у нас было, и после твоих слов «Я всегда приду на помощь, только позвони» вопрос про имя меня удивляет. Леночка. Надеюсь, ты помнишь, кто я? Ответ скорей: как какает павлин?»

Я почесал в затылке. Леночка! И у нас с ней что-то было! Что именно? Мы вступали в интимные отношения? Я напряг память. Слава богу, я пока не попал в цепкие когти склероза, помню всех, с кем состоял в более или менее длительных отношениях. И есть среди них Елена, но она предпочитает отзывать на Элен, давно уехала жить с мужем в Испанию, и ее точно не интересуют фекалии птицы с роскошным хвостом. Однако, как у большинства лиц сильного пола, у меня случаются и мимолетные встречи. Сразу оговорюсь: я не любитель беспорядочных связей, не гоняюсь за каждой юбкой, но порой... М-да! Грешен. Один раз вообще предавался греху в машине. Понимаю, в это трудно поверить, но было. Как звали ту женщину?

Я тяжело вздохнул: Таня, Маша, Аня, Катя... Может, Лена? Убей бог, не помню. Все произошло очень быстро, я вышел из театра, лил сильный дождь, поэтому я остался под козырьком подъезда. Рядом оказалась дама, которая тоже смотрела спектакль. Пару минут мы беседовали с ней о катаклизмах природы, потом она пожаловалась:

– Не принято в театр с большой сумкой ходить, я взяла клатч. Зонт в него не влезает, подумала, дождя синоптики не обещали. И вот, пожалуйста! Стоять мне тут до утра.

Как должен поступить мужчина, которому адресовались сии слова? Естественно, я предложил:

– Могу довезти вас до метро.

Она обрадовалась, сняла туфли, я накинул на голову новой знакомой свой пиджак. Через несколько секунд мы очутились в моей машине. И тут на платье незнакомки на спине лопнула молния. Я попытался ее починить... Вот как-то так и получилось. Потом я довез даму до метро. Все. Да! Молнию мне удалось исправить. Может, это она? И где находился мозг господина Подушкина, когда он диктовал незнакомке свой телефон? Явно не в голове, а значительно ниже. О господи! Лена! Лена! Это же сестра художника, который пригласил Николетту с мужем к себе на выходные. Владимир, мой отчим, живо нашел причину отказаться, маменька потащила с собой меня. Мы провели в деревне три дня и две ночи. У живописца гостила ближайшая родственница, звали ее Лена. Краткосрочный роман завершился, когда я уехал в Москву. Похоже, это она сейчас задает странные вопросы. Не мог я дать контакт даме из театра, да и она, скорей всего, не желала его знать, помнится, на пальце у нее было обручальное кольцо.

Дверь открылась, в кабинет вошел Семен.

Глава 4

– Что скажете, Иван Павлович? – поинтересовался владелец магазина.

Я решил быть откровенным:

– Если все обстоит так, как описала Эмма, то возникают сомнения в виновности Роберта. Но есть некоторые нестыковки в ее истории. И учтите нюанс: почти все родственники преступников уверяют, что их близкие ни в чем не виноваты, арестованы и осуждены по ошибке, сидят на зоне за чужие грехи, так как у семьи денег на взятки не нашлось. Но сие неправда. Да, случается, что в бараке оказывается тот, кто не совершал преступления, но основной контингент получает по заслугам. И мужья порой не выкладывают женам все до последней капли. Вероятно, Роберт очень хотел получить новую квартиру для своей семьи, поэтому и решился на преступление. Но...

Я замолчал.

– Но? – повторил Семен.

– Письмо, – продолжал я. – Вы его читали? Оно очень искреннее, понятно, как автор нервничал. Зачем лгать перед смертью? Обычно на краю могилы люди говорят правду, хотя... Я знаю и иные случаи.

– Вы сомневаетесь в виновности Роберта? – обрадовался Занавесин.

– Не хватает информации, чтобы делать выводы, – объяснил я. – Я выслушал пока одну сторону, признаю, не самую объективную. Зададим вопрос: мог ли Шмидт один спланировать взрыв, осуществить его, а перед этим похитить драгоценности и продать их? Неужели все ключи от депозитария и ячеек валяются где попало? Уж, наверное, их хранят в надежном месте. Имеет ли возможность клерк средней руки добыть пропуск в зал вип-ячеек? Если я правильно понял, ювелирные изделия Шанхаева уникальны, сбыть такие не просто, в ломбард их не понесешь. Чаще всего эксклюзивные украшения крадут под заказ. Вызывает настороженность смерть начальника департамента, который пригласил Роберта участвовать в конкурсе. Его убили вскоре после взрыва. Да, Москва – город, где высок уровень уличной преступности. Но смерть Игоря Кирилловича... Может, она не связана с происшествием в банке?

– Меня удивило, что взносы Роберт приносил Маслову наличными, – добавил Семен. – Я выплачивал кредит на машину. Иногда приходил с рублями в кошельке, но всегда шел в кассу. Я давно пребываю в уверенности, что современные финансисты купюры только в банкоматах видят, когда лично им казначейские билеты нужны. На работе у них деньги виртуальные, они со счета на счет переползают.

– Предположим, Роберт соврал про конкурс и на самом деле взорвал ячейки, но тогда у него был сообщник, – предположил я, – человек, который стоит выше на служебной лестнице, имеет доступ в депозитарий и к ключам. А квартира – плата за преступление. Если же Шмидт говорил правду и Игорь Кириллович обманул его, то возникает подозрение, что самого Маслова убил не простой грабитель. В этом деле есть еще кто-то. В любом случае в «Кросе» работает некто из организаторов взрыва. Об этом написано в анонимке, которую получила Эмма, да и я начинаю так думать. Незнакомый пока участник преступления забрал украшения. Роберта использовали втемную или он состоял в сговоре? Ответа на сей вопрос я не знаю. Но думаю, что организатор преступления на свободе. Вопрос: нужно его искать или нет?

– Конечно, да, – без задержки заявил Занавесин. – Тогда в случае вины Шмидта, раз соучастников много, Робу меньший срок дадут.

– Нет, – возразил я, – наоборот, нарушение закона в составе группы утяжеляет наказание. Преступление не сосиска, оно не становится меньше, если много едоков.

– Неужели? – удивился владелец магазина. – Я думал иначе. Иван Павлович, вы беретесь за эту работу? Я оплачу все счета.

Я на секунду задумался.

– Не гарантирую успех, не обещаю, что смогу стопроцентно доказать невиновность Шмидта. Вдруг получится наоборот, и я выясню, что клерк замешан в деле?

– Нужна правда, – отрезал Занавесин.

– Попробую ее откопать, – сказал я, вынул из кармана звонивший мобильный и, не глядя на экран, приложил его к уху: – Лена, добрый день. Понятия не имею, как какает павлин. Не могу дать ответ на ваш вопрос.

– Вава, ты сошел с ума? – ехидно осведомилась Николетта. – Перегрелся на пляже?

Учитывая, что за окном промозглая московская зима, вопрос про пляж прозвучал весьма уместно.

– Прости, Николетта, не думал, что это ты.

– Немедленно прекрати думать! – велела маменька. – Купи вещи по списку. Сию секунду!

Послышался гудок, в трубке повисла тишина.

– С удовольствием, – улыбнулся Семен.

– Простите? – не понял я. – Вы о чем?

– Вы сказали: «Понятия не имею, как какает павлин», – пояснил Семен. – Подсказываю правильный ответ: «С удовольствием». Это старая загадка из серии «Из какой посуды никто не ест? Из пустой».

– Спасибо, – обрадовался я, и тут опять пришло эсэмэс от Елены:

«Ваня, как какает павлин? Ну, пожалуйста! Ты же обещал помочь!»

«С удовольствием», – ответил я.

Обсудив с Занавесиным условия нашего договора, я сел в машину и открыл сообщение от Николетты.

«Вава! Срочно! Хрустальный шар с подсветкой. Клетка с совой. Карты Таро. Магические камни. Черный кот. Свечи. Коврик пяти волшебств. Денежный веер. Перья лысого ежа. Сделай фото витрины, скажу, какие брать. Быстрее. Люди уже идут».

Я давно смирился с капризами Николетты. Не стану роптать, если маменька отправит меня в три утра за мороженым, просто поеду в круглосуточный супермаркет. Я с младых ногтей уяснил: лучше выполнить приказ маменьки, чем пытаться объяснить ей глупость распоряжения. И тут раздался звонок.

– Вава! Ты заснул? – заорала Николетта. – Поехал за покупками?

– Нет. Потому что...

– Меня не волнует, по какой причине ты не сдвинулся с места. Включи свой мотор на пятую скорость! – заголосила родительница.

– У меня его нет, – вздохнул я, – у людей двигатель отсутствует.

– Отлично знаю, как ты умеешь деликатно хамить, – сменила крещендо на шипение маменька. – Помню, как в субботу Ньюка Шерметова-Шанхаева показала пальцем на твою позорную дворнягу с простонародно-лапотным именем Геракл и спросила: «Вава, чем ты лечишь его блох?» И что ты ответил? «Зачем им лекарства? Блохи моей собаки ничем не болеют».

Я молча слушал Николетту. Похоже, она забыла, что моя «позорная дворняга» ранее считалась ее любимцем, элитным кобелем по кличке Людвиг Ван Иоганн Вольфганг Цезарь Брут Ницше. А потом, когда выяснилось, что родословная поддельная, мне пришлось забрать псинку, поелику моя добрая маменька решила усыпить животинку. Вскоре я выяснил, что Людвиг et cetera² женского пола. Кстати, зовут ее теперь Демьянка. А Геракл не имеет никакого отношения к простонародью и лаптям, это полубог, сын Зевса и земной женщины Алкмены.

– Вава! Ответь! – взвизгнула трубка.

---

² Et cetera (лат.) – и так далее.

– Укажи адрес магазина, – попросил я.

– Какого?

– Где нужно сделать покупки.

– Езжай, куда надо.

– Так куда?

– Туда!!! Немедленно. Неужели не понятно?

– Прости, нет.

– Боже! За что мне это? Сто раз повторила! Двести! Триста. Центр гадального мастерства «Четвертый глаз».

– Ты не путаешь? – удивился я. – Может, третий?

– Кто?

– Глаз.

– Третий?

– Экстрасенсы считают, что он у человека во лбу, – пояснил я.

Из трубки раздалось кряканье, связь прервалась.

Я вбил в строку поиска: «Магазин «Четвертый глаз» и, к своему удивлению, выяснил, что он торгует по всей России аксессуарами для предсказания будущего и располагается в паре минут езды от места, где стоял мой автомобиль.

Телефон снова затрезвонил.

– Вава! Нельзя быть таким дремучим, – зачастила маменька. – Ньюка Шерметова-Шанхаева хозяйка школы, где учат гадалок...

Однако далеко зашел прогресс! Ранее предсказательницы не обременяли себя получением диплома, они, не имея образования, бегали по вокзалам, прося у наивных людей «позолотить ручку», и весьма ловко уговаривали прохожих немедленно снять порчу, которую на них навели с помощью денег. Надо было отдать цыганке всю наличность и вмиг станешь здоровым и выносливым, как помесь белого медведя со среднеазиатским верблюдом. А теперь существует школа гадальных наук и снятия порчи?

– Ньюка Шерметова-Шанхаева... – тараторила маменька.

И тут меня осенило!

– Николетта, как зовут мужа Ньюки?

– Он не гадает.

– Имя назови, пожалуйста.

– Зачем? Не собираюсь болтать о глупостях. Есть дела поважнее.

– Будь добра, продиктуй телефон Ньюки.

– Вава! Она не пойми кто. Происхождение бабы неизвестно. Даже твой Геракл более родовит, чем она. Красивую фамилию «Шерметова» она сама придумала. Шанхаевой по мужу стала. Кто родители пейзажки, покрыто мраком. Возможно, их вовсе не было! Никогда!

– Николетта, я пришел в магазин «Четвертый глаз», – остановил я фонтан негодования.

– Ну так быстро покупай все по списку! Зачем мне мешаешь? – возмутилась маменька. – Ньюка не нашего круга. Она принята в хороших домах исключительно из-за денег Вениамина Шанхаева. Он несметно богат! Владеет коллекцией драгоценностей! Ньюка не пойми кто. Ты понял? Не смей к ней приближаться! Она тебе не пара! Старая кочерыжка без роду-племени-денег! Даже не смотри в ее сторону. Ходят слухи, что у нее с Шанхаевым разрыв. Ньюка ищет нового дурака. Ты понял?

– Да, – подтвердил я, – буду объезжать ее на велосипеде за три километра.

Глава 5

За прилавком магазина стояла кудрявая черноволосая цыганка с черными глазами.

– Здравствуйте, – нараспев произнесла она. – «Четвертый глаз» вас ждет. Знаю, Саша, зачем вы пришли.

– Причину моего появления в вашей лавке назвать легко: мне нужны аксессуары для гадания, – парировал я. – Но вы немного ошиблись. Я по паспорту не Александр.

Цыганка оглушительно чихнула. Один глаз у нее стал голубым.

– Не Саша?

– Нет, – улыбнулся я. – У вас линза выпала.

– Не ношу их, – соврала торговка.

– Гляньте в зеркало, которое у вас за спиной висит, – посоветовал я.

– Оно магическое, демонстрирует ваше будущее, – мигом начала расхваливать товар тетушка. – Хотите увидеть, каким вы станете через десять лет?

Не дожидаясь моего ответа, фальшивая ромала, моргая разноцветными глазами, водрузила передо мной довольно большое зеркало в псевдобронзовой раме и просюсюкала:

– Кто там? Чье отражение?

– Мое, – вздохнул я.

– Вай, умница! Герой. Теперь переворачиваю... Раз, два, три, смотри.

Я снова увидел отражение, но на сей раз на меня смотрело другое лицо.

– Нравится? – поинтересовалась торговка.

– В принципе да. Но несколько неожиданно, – сдавленным голосом признался я.

– Конечно, дорогой, ты постареешь, – запела ромала. – Хочешь, брошу магические камни? Они точно скажут, что тебя ждет впереди.

– Понимаю, что возраст наложит печать на мою внешность, – мирно сказал я, – просто удивился своей трансформации в молодую негритянку.

– Нет, дорогой, это невозможно, – развеселилась продавщица, – время многое изменит, но сделать из белого мужчины чернокожую девушку оно не способно.

– Я тоже так считал, – согласился я и поставил зеркало лицевой стороной к торговке.

– Это чего? – выпав из роли цыганки, отреагировала тетка.

– Мое будущее, – возвестил я и отвернулся к окну, чтобы не демонстрировать улыбку во весь рот.

– Вероника Сергеевна! – закричала продавщица. – Опять эта хрень не работает.

– Эсмеральда, не шуми, – прозвучал неожиданно хорошо знакомый голос.

Из двери в стене вышла худощавая дама в черном платье.

– Вава! – поразились она. – Какими судьбами?

– Добрый день, Ньюка, – тоже удивился я. – Николетта просила купить здесь по списку вещи, сейчас прочитаю...

– Лучше отправь мне на ватсап, – велела Шерметова-Шанхаева. – У тебя есть номер?

Я покачал головой.

– Записывай, – приказала дама. – Эсмеральда! Исчезни. Приведи свою внешность в порядок. Сама обслужи VIP-покупателя. А вот и эсэмэс. Зеркало уже, вижу, на прилавке...

– Надеюсь, оно врет, – заметил я. – Отражаюсь в нем, как юная гражданка Ганы или Замбии. Не хочется мне стать таким спустя десятилетие.

Ньюка рассмеялась.

– Вава! С тобой этого не случится. Сейчас все для Николетты соберу.

– Вы работаете в магазине? – не выдержал я.

– Он мне принадлежит, – засмеялась Ньюка, – разве Николетта тебе не сказала?

– Нет, – пробормотал я и решил издали подбираться к нужной теме: – Я слышал, что у вашего мужа случилось большое несчастье.

– Да? – обернулась хозяйка магазина. – Скорее расскажи, порадуй меня.

– Вы не в курсе? – осторожно уточнил я.

– Если в Интернете еще не сообщили, то нет, – пожала плечами Нюка. – Веня попал под машину? Выпал из самолета?

– У него украли коллекцию драгоценностей, – пояснил я, – взломали депозитарий.

Нюка махнула рукой:

– Ах это! Переживет! Ваня, ты очень милый, скажу тебе правду. Жить с Вениамином невозможно. Он всем недоволен. Нальешь ему чашку кофе, первый вопрос: «Почему не две?» Вени всегда хочет больше, чем он имеет. Мы с ним прожили три года, он меня постоянно улучшать внешность отправлял, требовал импланты вшить, зубы винирами закрыть, сделать нос прямым. Но я на это не соглашалась. Наш брак треснул из-за характера Вени. На развод он пока не подал, а я и не настаиваю. Знаешь, у меня активирован четвертый глаз. Не путай с третьим, тот во лбу, а следующий по счету в кончике носа.

Нюка пару раз дернула ноздрями.

– Чую запах больших хлопот. Тебе предстоит заниматься серьезными вопросами. Вава! Есть предложение. Ты же владелец детективного агентства?

– Очень маленького, – быстро сообщил я. – Фирма состоит из двух человек: меня и моего секретаря Бориса.

Нюка схватила с полки кубик и кинула его на прилавок.

– Скажи, какая цифра выпала?

– Двойка, – ответил я.

– Понятно, да? – кокетливо пропела владелица торговой точки.

– Нет, – признался я.

– О! Ты не учил нумерологию, – расстроилась моя собеседница. – Ну ничего. Я задала сейчас вопрос духу Банди: «Как помочь Ваве стать владельцем мегаогромного бизнеса?» И выпала двойка. Ответ ясен: тебе нужна партнерша. Я готова взвалить на себя обязанности твоей помощницы.

– Дух Банди может ответить на любые вопросы? – осведомился я.

– Хочешь, он скажет, сколько песка в море, – заявила Нюка.

– Хорошо иметь связь со всемогущим помощником, – заметил я, – наверное, он поможет господину Шанхаеву отыскать баснословно дорогие ювелирные изделия, которые у него из сейфа сперли.

Нюка облокотилась о прилавок.

– Вава, поскольку мы с тобой теперь партнеры, могу поделиться секретиком. Поклянись, что никому его не сообщишь!

Я поднял правую руку.

– Обещаю молчать.

Нюка понизила голос.

– Марта, первая жена Вениамина, ему рога наставила и за границу с американцем свалила. Куда она подевалась, Шанхаев так и не узнал, хотя искал ее упорно. На мне он женился спустя много лет после побега Марты. Я один раз полюбопытствовала: «Почему вы разбежались?» Он так ответил, что повторить не могу. Понятно мне стало: прошел не один год, а до сих пор мужику обидно. Я закрыла тему. Про коллекцию уникальных украшений, естественно, я знаю, но видела ее всего один раз. В прошлом году, когда у Вени случился юбилей, он пир на весь мир затеял, народа тьму позвал. Негоже жене юбиляра бедненько выглядеть. Веня со мной в банк порулил, сейф открыл. Я обомлела от того, что увидела. Прадед Шанхаева, дед, отец – все мужчины в семье были ювелирами, Веня первый, кто ничего не делает! Фрилансер!

Он прикидывается художником. Только картин его никто не видел! В банке у Вени истинные раритеты. Мне он на юбилей дал ожерелье и диадему. Не передать словами, какая красота. За мной четыре охранника ходили, их страховая компания ко мне приставила. Ночью уникамы назад в сейф легли. Веня серьезно заявил: «В следующий раз достану что-то отсюда, когда сто лет отмечать буду». Через неделю к нему приехал Вадим Брунов, они в кабинете заперлись. А я...

Нюка кокетливо взглянула на меня.

– Совершенно случайно мимо кабинета шла, дверь была неплотно закрыта, я услышала рычание: «Какого хрена свою бабень в диадему вырядил? Хорошо, что моя клуша заболела и не пошла на тусню. Охренел фальшак светить?» Веня ему в ответ: «Когда я тебе украшение продавал, предупредил: раз в году оно может «погулять» выйти. Забыл? Объяснил, что это надо для успокоения страховщиков, чтобы не дергались. На месте диадема, на голове у моей жены. Оценку они уже провели, второй раз ее делать не станут. И чего ты запыхтел? Скажи жене: украшения парные. То, что у нее, принадлежало графине Боголюбской, а то, что у Нюки, ранее носила ее сестра княгиня Марковская. Партнерам не моргнув глазом брешешь, а бабе не можешь соврать? Не смей».

Глава 6

Нюка снова стрельнула глазами в мою сторону.

– Они еще долго болтали, мне понятно стало: прапрадед, прадед, дед коллекцию собирали. А вот отец Вени страстным игроком уродился: лошади, карты, кости... Огромные суммы спускал, я знала. Веня его иначе чем «миксер для денег» не называл, сколько ни положи в чашу купюр, а «метелки» их в клочья раздерут. Я после случайно услышанной беседы поняла, что сначала папаша, а потом его сыночек коллекцию распродали. Фейки были в сейфе. Я это теперь точно знаю. Поэтому Шанхаев банк и взорвал.

Нюка усмехнулась и спросила:

– Понимаешь, Вава?

Я прикинулся дурачком:

– Зачем вашему супругу совершать преступление?

Собеседница вышла из-за прилавка и встала рядом со мной.

– Николетта постоянно сетует, что ее сын несообразительный бука, но я с ней не согласна. Милый, ты красавец. А то, что голова у тебя плохо варит, не беда. Когда около Вавы появится умная женщина и...

Нюка взяла меня за руку.

– ...крепко сожмет его ладони, поведет за собой, мозг ему не понадобится. Николетта давно невестку ищет. Но думаю, лучше создавать семью по взаимному чувству.

Я попытался высвободить свою руку, но Нюка держала ее хваткой бультерьера, она еще теснее прижалась ко мне и промурлыкала:

– Дорогой, сейчас предельно ясно растолкую то, чего ты не понял.

Я задержал дыхание. Объясните, почему курить в общественных помещениях нельзя, а обливаться удушающе вонючими духами можно? Не люблю табачный дым, но, ей-богу, он лучше, чем конфетно-въедливый аромат, который исходит от Шанхаевой.

– Ювелирка застрахована на офигенные деньги, – пела тем временем Нюка, – продать ее Веня не мог. Ему нужно при этом предупредить страховую компанию, та провела бы переоценку, изменила полис. И конечно, пошел бы слухок, что у Шанхаева дела плохи, он распродает семейное достояние. Но если втихую каратики сдавать такому, как Брунов, положить в сейф копию, жену в фейке на вечер вывести, то никто, включая страховщиков, ничего не заподозрит. Когда же вся коллекция фальшаком станет, надо соврать, что ее сперли. Тогда еще и вознаграждение получишь. Старый трюк. Странно, что ты о нем не слышал.

– А почему Брунов не хочет сообщить о приобретении диадемы? – поинтересовался я.

Нюка по-хозяйски одернула мой пуловер.

– Хороший кашемир, дорогой. Вава, ты всегда достойно одет. Немного старомодно, но в этом есть свой шарм. Глупыш! Брунов именуется себя журналистом. Ха! Где его статьи? Мужик каким-то незаконным бизнесом ворочает, налоги не платит. Откуда у него, человека без большого стабильного дохода, деньги? Только он диадемой похвастается, как его за хвост схватят.

– М-м-м, – промычал я.

Нюка улыбнулась:

– Видишь, Вава, я много знаю. Мы с тобой чудесная пара, оба из хороших семей. Происхождение огромную роль играет. Например, Николетта, она член «Общества аристократов России». Уж извини, у твоей матери характер не сахар, она резка в суждениях. Но, с другой стороны, ее капризность – свидетельство того, что предки Николетты, графы д'Адиле, веками отдавали приказы дворне.

Я опустил глаза. Нюка даже не подозревает, как она далека от истины. Нет в маменьке ни капли «голубой» крови. Однако я впервые слышу про «Общество аристократов России».

– И я из благородных, – похвасталась Ньюка, – урожденная Герасимова.

– О-о-о-о, – на всякий случай восхитился я.

Собеседница навалилась на меня боком.

– Таких дворянских ветвей несколько. Но мой прапра – тот самый Герасим, который утопил Му-му.

– Так он же был крепостной, – не выдержал я.

– Верно, – согласилась Шанхаева. – Барыня потом раскаялась в своей жестокости, усыновила Герасима, он стал дворянином. Вот так возникла наша фамилия.

Я открыл рот и закрыл его. Нет смысла объяснять Ньюке, что писатель Тургенев выдумал историю про мужика и несчастную собаку.

– Ты знатного древнего рода, – щебетала Ньюка, – и меня не в мусоре нашли. Не нищая, владею бизнесом, деньги есть. Вокруг меня толпы мужиков на коленях стоят, ждут, когда я внимание на них обращаю. Богатое быдло! Такие мне не нужны. А вот ты человек моего круга. Помогу тебе расширить агентство, оно станет самым крупным в России. Я полна планов, энтузиазма, сил, сделаю из тебя успешного человека.

Мне стало неудобно. Я чураюсь дам, которые полны планов, энтузиазма или горят желанием сделать меня успешным человеком. С такой женой не жди спокойной семейной жизни, она постоянно заставляет супруга как лошадь через барьеры прыгать, никогда не похвалит его за успех. Планку-то можно до бесконечности задирать. Владелец скромного, но любимого бизнеса? Мало! Хозяин крупного агентства? Пустяк. Обладатель самой огромной в мире детективной конторы? «Милый, а у нашей соседки муж президент!» Хорошо, влез ты на вершину власти, растерял по дороге удовольствие от любимого дела, заработал язву, гневливость, вечное беспокойство, бессонницу, не видел, как растут дети, забыл имя матери, отдыхаешь пять дней в году. И что делаешь в свободное время? В свободное время ты спишь. Ладно. Сидишь на вершине, стал императором всего земного шара. Но на небе-то еще есть Бог! Жена считает, что надо следующий барьер брать. Ну уж нет! Я не лентяй. Но люблю посидеть вечером с фужером коньяка и интересной книгой. А еще желаю получать радость от своей работы. Карабкаться в заоблачные выси, оправдывая амбиции супруги?

Увольте.

– Шанхаев – быдло и врун! – воскликнула Ньюка. – Я сто раз пожалела, что из чистого сострадания к дураку и недотепа вышла за него замуж. Понимаю, почему ты молчишь. Думаешь, Вениамин меня в сторону отодвинул, на развод подал, поэтому я и клевету на него сейчас. Поговори с Александром. Он много лет на Шанхаева пахал, а тот его выгнал. Ни за что. Просто так. Саша в курсе всех дел Шанхаева. Он точно про фейковые драгоценности знает. Ну как, Вава? Хочешь получить телефон-адрес Александра?

– Буду очень вам благодарен, – заверил я.

Ньюка ткнула меня кулачком в живот:

– Перестань мне «выкать». Я на десять лет моложе тебя.

Я закивал, словно китайский болванчик. Конечно, моложе! Если учесть, что Ньюка рассказывала Николетте, как, будучи пионеркой, собирала металлолом, то она совершенно точно появилась на свет позже меня на целую жизнь.

– И подумай, – сказала дама, – мы прекрасная пара. Союз ума и глупости. Предприимчивости и лени. Лучшей партии тебе не найти. Каждому мужчине необходимы бархатные ежовые рукавицы. Я серьезный партнер. Ты ведь не зря сюда пришел?

– Конечно, – заверил я. – Николетте нужны вещи по списку, который я вам отправил.

Ньюка погрозила мне пальцем:

– Врунишка. Причем неумелый. Ты хотел меня увидеть. Ничего, я научу тебя лгать так, что слон хобот не подточит. Я мастер художественного вранья. Но с тобой откровенна. А как

еще с женихом себя вести? Дам тебе адрес Александра, к нему лучше съездить, звонка он, как правило, не слышит. Но сначала пообещай, что мы поужинаем вместе.

– Непременно, – сказал я.

Нюка вынула телефон.

– Отлично. Завтра. В семь. У меня дома.

– Ну-у, – пробормотал я, – лучше в ресторане.

– Я гениально готовлю, – объявила моя собеседница, – в трактире мерзость дадут. Так как? Согласен? Если нет, то я адрес Саши потеряла.

И тут у меня затрезвонил телефон. Никогда еще я так не радовался вызову, который помешал моему разговору с женщиной.

– Слушаю, – быстро ответил я.

– Господин Подушкин? – спросил приятный баритон, смутно знакомый. – Вас беспокоит Максим Загорский.

Фамилия не пробудила у меня никаких воспоминаний, но к мужчинам, которых зовут Максим, я сразу чувствую расположение. У меня был лучший друг, единственный близкий мне человек Макс Воронов. Теперь его нет. Понимаю, что глупо так реагировать на имя, но ничего с собой поделать не могу.

– Слушаю вас, – ответил я.

– Вы сегодня встретились с моей дочерью Натальей, – продолжал Загорский.

– Прошу прощения. Не знаком с этой девушкой, – остановил я собеседника.

– Идиотка, которая украла кашемировые свитера, – повысил голос Максим, – знаю, что хозяин лавки хотел сдать ее в полицию, а вы его отговорили.

– У вас не совсем верная информация, – возразил я. – Семен Занавесин, хозяин магазина, не горел желанием обращаться в полицию. Он из тех, кто предпочитает решать дела миром. Простите, я забыл о нашей беседе.

– Хотите денег? – спросил вдруг Максим. – Речь идет о работе.

– Я никогда не отказываюсь от возможности заработать, – ответил я, – но берусь лишь за те дела, которые не противоречат моим моральным принципам. Кое-какие поступки я не готов совершить даже за все сокровища мира.

– Приезжайте в мой офис. Баранов переулок, – коротко велел Загорский. – Разговор не телефонный.

Я взглянул на часы.

– Полагаю, за сорок минут докачу, но количество пробок на дороге непредсказуемо.

– Я весь день на месте. Жду, – без задержки произнес собеседник.

Я положил трубку в карман.

– Милый, пока ты болтал, я сложила все необходимое для Николетты, – сладким, как шоколадка в мёде, голосом прочирикала Нюка. – Понимаю, конечно, что главная цель твоего визита повидаться со мной, но надо и госпоже Адилье приятное сделать. Вот счет. Учитывая наши близкие отношения, я сделала двадцатипроцентную скидку.

Я взял чек. Ну и ну! Может, Нюка ошиблась? Она случайно прибавила к счету... нет, не двадцать, а две тысячи процентов?

Владелица лавки нежно улыбнулась:

– Хрустальные шары доставляют из Америки, они особой огранки, поэтому такие дорогие. И весь полный набор уложен в прелестный чемоданчик из кожи питона. Очень модный, стильный аксессуар. Впрочем, если он тебе не по карману, могу сложить покупки просто в пакет. Некрасиво, конечно. Зато дешевле.

Я уже хотел обрадоваться предложению, но тут в моей душе расправил крылья орел мужского самолюбия и хвастовства.

– Возьму с чемоданом. Вовсе не дорого.

Жаба, которая живет у каждого представителя сильного пола на задворках сознания, встрепенулась и закричала: «С ума сошел? Отдавать огромную сумму за ридикюль, чей каркас обтянут останками дохлой змеи? Ваня! Никогда!»

– Пробиваю? – спросила Нюка.

– Да, – гордо ответил за меня орел мужского самолюбия.

Жаба попыталась заткнуть ему рот липкими лапами, но гордая птица клюнула ее в темечко.

– Сунь карточку в терминал, – пропела Нюка.

Я вытащил кредитку, она показалась мне на ощупь мокрой. Похоже, жаба облила ее слезами. «Ваня, скажи, что забыл пин, и убегай отсюда, – квакнула она мне в ухо. – Уноси ноги, пока счет не опустел». «Ну и какой ты после этого мужик? – каркнул орел. – Трясешься над рублями». Я набрал пин-код.

– Платеж прошел, – оповестила Нюка.

«Отлично, теперь ты с орлом на плече, но с дыркой в кармане», – взвыла жаба.

– Встречаемся завтра, – хихикнула Нюка. – Когда придешь, тогда и получишь телефон Саши, который всю правду про Шанхаева знает.

Я промычал нечто нечленораздельное, схватил покупку и удрал.

Глава 7

Успев детально поговорить по дороге с Борисом, я ровно через сорок минут вошел в кабинет Загорского.

– Точность – вежливость королей, – заметил хозяин, протягивая мне руку. – Мой прадед, князь Федор Загорский, рассказывал, как его дед однажды опоздал на аудиенцию к царю-батюшке. И государь ему эту фразу произнес. Наша фамилия древняя. Наверное, вы слышали об обществе «Аристократ», которое я основал и возглавляю?

– Да, – ответил я, – некоторые мои знакомые состоят в его рядах.

Максим Петрович сдвинул брови:

– Общество «Аристократ»?

– Да, – снова произнес я.

– Я уточняю, потому что есть еще сборище самозванцев, – поморщился хозяин кабинета. – «Общество аристократов России». Рабоче-крестьянские графы. У них отсутствуют документы, подтверждающие благородное происхождение. Сами себе дворянские грамоты выписывают, ордена выдают. Анекдот. Но кое-кто тешится, что он нынче не Сенька без роду-племени, отца-мать не помнящий, а человек с многовековой семейной историей.

Я улыбнулся:

– Все, кто сейчас живет на земле, имеют многовековую семейную историю. Если вы появились на свет, у вас определенно были родители. Подчас человек говорит: «У меня нет отца». В корне неверная фраза. Мужчина, от которого ты произошел, всегда есть. В процессе зачатия двое участвуют. Отец не воспитывал малыша, не давал на него денег, не участвовал в его жизни, но он был. Следовательно, существовали дед, прадед и так далее, до Адама и Евы.

Максим Петрович нахмурился:

– Иван Павлович, вы правы. Но! Был так называемый в прежние века «подлый» класс и аристократия. Последняя имела образование, воспитание, часто не большие деньги, зато всегда обладала благородством. Моя мать из семьи князей Мусанкиных. Отец – из графов Загорских.

Максим Петрович показал на стену:

– Из родных Петра Владимировича не осталось никого, его деда и бабушку расстреляли большевики. Отец погиб на фронте, а мать, то есть моя бабушка, скончалась до того, как я появился на свет. Поэтому по линии папы я знаю только портреты.

– Удивительно, что в горниле войны и репрессий полотна сохранились, – заметил я.

– О нет, – возразил собеседник, – их заказал я. В советские времена люди боялись рассказывать о своем неподломом происхождении. За принадлежность к знати сажали в лагеря. Мне семейную историю рассказала матушка. Папенька скончался очень рано, я не помню его совсем. Только фото на комодке осталось. А мать, Елена Николаевна, прожила много лет. Слава богу...

Собеседник истово перекрестился на большую икону, которая висела в углу.

– Матушка до сих пор пребывает в добром здравии. Когда мне исполнилось четырнадцать, я, как все школьники тех лет, вступил в комсомол. Пришел домой со значком. Элен, так ее называли близкие, усадила меня на диван и рассказала, как жили ее предки, сколько у них земли было в собственности, о том, что их брак с моим отцом стал союзом по страстной любви. Показывала мне медальоны, которые хранила как зеницу ока, с портретами ее отца, бабушки. Ох, что-то я отошел от темы беседы. Любезный Иван Павлович, у вас есть дети?

– Я холостяк, – ответил я, – пока не нашел суженую.

Загорский улыбнулся:

– Иван Павлович, иногда человек из всех сил пытается изобразить из себя благочестивого, милосердного, во всех смыслах достойного члена общества. А потом идешь с ним по

улице, а сей прекрасный член общества, ведя разговор о любви ко всем земным тварям, походя, привычным движением пинает дворовую собаку, которая на него с надеждой на получение малой толики еды смотрит. И вмиг становится ясно: в пылу беседы он явил свое естество, речь контролировал, а вот про ногу забыл, она автоматически сработала. Нет в этом гражданине любви ни к кому, одно лукавство, позерство и зло в нем. Люди лучше всего открываются в момент, когда совершают что-то, не думая. Вот вы сейчас...

– Я не быю животных и зла никому не желаю, – заметил я, – но не могу утверждать, что испытываю добрые чувства ко всему человечеству, некоторые его представители мне не особенно приятны.

Максим Петрович выдвинул ящик стола.

– На вопрос о детях вы ответили: «Я холостяк». И о чем сказала мне ваша фраза?

Я улыбнулся.

– О глубоком эгоизме посетителя, который хочет прожить жизнь спокойно, не обременяя себя заботами.

– Нет, – возразил Загорский, – об элементарной порядочности. Вы считаете, что наследники должны появляться в браке. Если когда-либо решитесь на ребенка, то станете хорошим отцом. Главное, не избалуйте чадо, хотя я не имею права давать советы, поскольку сам с дочерью потерпел фиаско. Моя жена попала под машину, когда Наташе едва четыре года стукнуло. Она мать не помнит. Я нанял мамок, нянек, гувернанток. Испытывал вину перед девочкой за то, что почти ее не видел, поэтому заваливал подарками. Ната привыкла, что отец ежедневный Дед Мороз, и распустилась. Не желает учиться, числилась студенткой в вузе, который принадлежал моему близкому другу. Наталье ставили зачеты, четверки на экзаменах, она в аудиториях хорошо если раз в месяц появлялась, но диплом получила. Неоднократно устраивал ее на работу, нигде дольше двух недель она не задержалась. Спрашиваю, почему она снова баклуши бьет, отвечает: «Скучно. Бумаги писать нудно. Вокруг одни дуры. Вставать надо рано». Чем она занимается? Носится по магазинам. От ее вещей в доме уже деваться некуда. И ладно бы она их носила. Так нет! Притащит гору пакетов, бросит у входа. Горничная их в гардеробную унесет, шмотки развесит, и все! Полагаю, девчонка не помнит, какие обновки имеет. Я решил Наталью приструнить. Ограничил лимит по карточкам.

Загорский махнул рукой и замолчал. Я решил приободрить несчастного отца:

– Пройдет несколько лет, и ваша дочь образумится. Она просто пока не понимает, что ей интересно. Когда любимое дело найдется, девушка в шесть утра с кровати соскочит.

– Ей хорошо за двадцать, – хмуро сообщил Максим Петрович. – Пройдет пара лет, и будет она тридцатилетней бабой. Насколько я понял, вы сначала работали секретарем у детектива Элеоноры, а после ее кончины унаследовали бизнес, успешно ведете дела³. Вам нужны клиенты?

– Конечно, они мой заработок, – ответил я, – но, в отличие от полицейских, я не могу заниматься сразу двумя-тремя-десятью расследованиями. В агентстве всего два работника, я, владелец, плюс мой помощник Борис. Не собираюсь расширяться. Вполне доволен малым бизнесом.

– Но еще один сотрудник вам не помешает, – подчеркнул Максим.

Я ощутил, как в кармане завибрировал сотовый, но не вынул его.

– Согласен. Сам думал на эту тему. Однако работнику необходимо платить, а состояние моего кармана пока не позволяет это делать.

Я замолчал. В особенности не позволяет сейчас, когда кредитка, вся мокрая от слез жабы, сохнет в кошельке.

Максим Петрович убрал из голоса сладость:

---

³ См. книгу Дарьи Донцовой «Букет прекрасных дам».

– У меня предложение. Возьмите на службу Наталью. Буду переводить деньги дочери, вы ей скажете, сколько она станет получать. Более ни копейки ей не дам. Пусть учится экономить. Только не говорите, что зарплата от меня.

Я ожидал чего угодно, кроме такого поворота беседы.

– Максим Петрович! Я понимаю вашу тревогу о дочери, желание приучить ее к труду. Но что мне прикажете с ней делать? На ресепшен посадить? Так стойки у меня нет.

У Загорского дернулось веко.

– Один мой приятель, крупный издатель, лет пять-шесть назад вручил Нате подборку произведений Милады Смоляковой. Теперь девочка – ее страстная поклонница. Нет, безумная фанатка. – Загорский на минуту замолчал, а потом заговорил вновь: – Не хочу обсуждать книги литераторши, не страдаю снобизмом. Я обрадовался, что Ната хоть чем-то увлеклась. Пусть лучше ерунду читает, а не по магазинам носится. Год назад, когда дочь в очередной раз со службы турнули, я сурово потребовал: «Наталья! Определись. Если не способна трудиться, принуждать не стану. Не каждая женщина ощущает тягу к работе. Иди под венец, реализуйся, как мать, жена, занимайся детьми, супругом, хозяйством».

Она ногами затопала:

– Фу-у! Никаких памперсов.

Я вышел из себя:

– Чего же ты хочешь? Просто тратить мои деньги?

Наталья неожиданно ответила:

– Мечтаю стать детективом. Это мое призвание.

Глава 8

Я кашлянул:

– Не отношусь с презрением к женским детективам, у них широкая читательская аудитория. Раз есть спрос, должно быть и предложение. Но при всем моем уважении к титанической работоспособности госпожи Смоляковой должен заметить: реальная жизнь сильно отличается от ее романов.

Максим Петрович оперся ладонями о свой помпезный стол.

– Так я и объяснил Наташе. Но она настаивала. Я связался со Смоляковой, попросил ее взять дочь к себе секретарем, пиар-агентом, кем угодно. Она в вежливой форме отказала. Два больших детективных агентства не согласились дочь даже на ресепшен посадить, хоть я обещал сам зарплату секретарю перечислять. Вся надежда на вас. Пожалуйста. Будьте добры.

Я молчал, подыскивал причину, чтобы отказать приглубить воровку, и, наверное, не уследил за выражением лица, на котором отразились мои мысли.

Бизнесмен их считал.

– Иван Павлович, долго Наталья у вас не прослужит. Она лентяйка. Встанет пару раз в девять утра, чтобы на работу успеть, и надоест ей Шерлока Холмса из себя корчить. Конечно, я надеюсь, что дочь увлечется, захочет в сыском бизнесе, как ваша Элеонора, заправлять. Но знаю, когда и чем завершится ее детективная история. Окажите мне услугу. Жизнь длинная, я могу вам понадобиться, у меня большой круг общения, многие люди мне обязаны...

– Разрешите вопрос? – остановил я Загорского.

– Слушаю, – ответил тот.

– Во время нашей беседы в магазине Наталья сообщила, что она дочь Владимира Коркина, а вы отчим, – сказал я. – Это так?

Загорский поморщился:

– Моя жена Елизавета... Ну... в каждой семье есть свои нюансы. Когда мы с Лизой познакомились, она училась в институте. В юности чувство вспыхивает сразу, так и у нас вышло. Глупые, безголовые парень и девушка поддались страсти. Елизавета забеременела, я ей тут же предложил пойти в загс. Она почему-то отнекиваться начала, говорила о мечте надеть белое платье, устроить красивую свадьбу. «Вот рожу, и устроим торжество». Но меня воспитывала мать, которая вложила в мою голову понятия о чести и морали. Матушка вовсе не обрадовалась решению сына создать в юном возрасте семью да еще обзавестись ребенком. Но делать-то нечего. Елена Николаевна решила сама поговорить с Лизой, однако та придумывала разные поводы, лишь бы не встречаться с будущей свекровью. Я решил, что ей стыдно за секс до брака. В те годы я еще не был жестким, боялся обидеть Лизу. Сейчас, вспоминая эту историю, поражаюсь собственной глупости. Только идиот мог не заметить странностей. Лиза говорила, что живет с отцом, который велит ей приезжать домой не позже девяти. Поэтому мы встречались днем в среду и четверг, когда папенька Елизаветы читал лекции студентам, он был профессором в вузе. Я сам тогда еще жил с мамой, первые деньги заработал позднее. Состояние мне прямо на голову свалилось, я первым в России додумался одним бизнесом заняться, снял все сливки. Потом затеял другой проект, третий, ни разу не прогорел, не попал в тюрьму. Мне всегда везло в работе. А вот с семьей... Месяца за три до Лизиных родов я стал беспокоиться. Надо искать клинику, врача, покупать приданое для ребенка. Лиза отмахивалась:

– Времени полно, у папы есть знакомые.

Но я считал себя мужчиной и один раз ответил ей:

– Ребенок мой. Ответственность всегда на отце лежит. При чем тут твой папаша?

И вдруг! Елизавета вскочила, швырнула в меня пустой стаканчик (мы в парке сидели, она мороженое ела), потом с криком:

– Раз ты не уважаешь мою семью, прощай! – убежала.

А я тоже с гонором. Не поспешил за ней. Неделю Лизу не видел. Мобильных в те годы не было. Елизавета боялась отца, который запрещал ей с мальчиками гулять, поэтому дала мне телефон своей бабушки, я ей звонил, говорил:

– Максим Загорский беспокоит, попросите Лизу позвонить.

И через какое-то время в нашей квартире оживал аппарат. Семь дней я крепился, на восьмой соединился с бабушкой Лизы, а та вдруг сказала:

– Забудь мой номер.

Я растерялся:

– Мне очень Лиза нужна.

Старуха буркнула:

– Нет ее тут!

Я ничего не понял, засыпал бабку вопросами, та вдруг сказала:

– Хочешь чего узнать про Лизку? Приезжай. Заплатишь деньги, расскажу. Ничего не дашь – не услышишь правды.

И что открылось? Мария Львовна на самом деле была бабкой Лизы. Родная мать девушку из дома в пятнадцать лет выгнала, потому что ее сожитель к дочери приставать начал. Лиза перебралась к бабке. Через год она обзавелась женихом, пятидесятилетним Владимиром Петровичем Коркиным, профессором, который недавно овдовел, и переселилась к нему. Едва Елизавете стукнуло восемнадцать, преподаватель на ней женился. Когда я звонил, бабушка набирала номер внучки, та ей за эту услугу приплачивала. А хитрованка вскоре соединялась с наивным Максимом.

Загорский оттянул узел галстука.

– Только поговорив со старухой, я сообразил, почему Лиза спешила вечером домой и по какой причине утверждала, что дома у нее нет телефона. Через несколько дней я нашел настоящий адрес обманщицы и заявился к ней. Не стану приводить весь наш разговор, суть его, по версии Елизаветы, такова. Профессор соблазнил ее, малолетнюю. Он много зарабатывает, щедр. Лиза с ним живет из-за денег, по элементарному расчету. Любит она меня, но: «Милый, ты нищий. Володя скоро умрет, у него уже три инсульта было. Вот стану законной наследницей, и тогда мы распишемся». Я ушел, хлопнув дверью, решил никогда более с вруньей не видеться. И быстро разбогател. Через пару лет Елизавета возникла на пороге моих апартаментов с маленькой девочкой на руках. Обманщица на колени упала, помощи просить стала. Оказалось, Коркин умер и выяснилась правда. Профессор давно подарил и квартиру, и машину, и дачу двум своим дочерям, о которых Лиза даже не слышала. А они, узнав, что папа-вдовец живет с пятнадцатилетней Лолитой, обозвали его педофилом и разорвали с ним отношения. Лиза помчалась к адвокату, тот развел руками: жене ничего не положено, потому что муж не имеет никакой собственности, все раздарено еще до брака с ней. Елизавета имеет право лишь на часть вклада в банке, деньги разделят между второй женой, ее ребенком и дочерьми от первого брака. Вот только денег там курица плюнула, почти ничего нет. Где профессор хранил накопления, молодая супруга не ведала, дочки его ее с малышкой мигом выперли вон. Прописана Лиза была у бабушки. Коркин ее в своих хоробах не регистрировал, говорил: «Мария Львовна скоро умрет, получишь ее апартаменты без хлопот. Войдешь в права наследства, как проживающая на квадратных метрах, налог платить не потребуют. А потом я тебя пропишу».

Но бабка скончалась после Владимира, сразу после поминок в квартиру въехала непутевая мать Елизаветы, которая тоже там была прописана, и какой-то ее очередной мужик.

Короче: «Максим, пусть погреться, хочется кушать так, что надеть нечего и переночевать негде».

– Печальная история, – не выдержал я. – Вы поверили Елизавете?

Загорский сложил руки на груди.

– Она была невероятно хороша собой. Люди вслед Лизе на улице оборачивались. Что фигура, что лицо, глаз не оторвать, а я был молод. Но все-таки уже кое-чему научился, поэтому ответил: «Пусть анализ подтвердит, что Наташа моя родная дочь». С ребенком оказалось без обмана. Я был ее отцом. Пришлось удочерить Нату. Но первые годы у нее в метрике значилось Наталья Владимировна Коркина. Лиза, увы, рано погибла, я ребенка один воспитывал. В четырнадцать лет, когда дочь, несмотря на ораву мамок-нянек, от рук отбилась, я определил ее в закрытый интернат для проблемных детей из обеспеченных семей. Там были строгие порядки. Через месяц я приехал ее навестить, надеялся, что Ната в слезах прибежит, начнет проситься домой, пообещает изменить свое поведение... Но она объявила:

– Знаю теперь, почему ты меня ненавидишь, я твоя падчерица. Мой родной любимый папочка Владимир Коркин умер.

Уж не знаю, кто девочке «правду» сообщил. Елизавета на тот момент давно скончалась. Рассказывать подростку о странном поведении матери не хотелось, да она и решила бы, что я нарочно ту черню. Но ситуация требовала объяснения, я очень аккуратно все рассказал, однако Наталья мне не поверила. Только хуже себя вести стала. Ее выгнали из интерната для проблемных детей, позвонили мне со словами: «Ваша дочь Наталья дурно влияет на наших воспитанников». Забыли только упомянуть, что учащиеся там все с душком, моя дочка не самая плохая. Не скрою, подростком она была трудным. В магазинах воровала, потом перестала. Я удивился, когда она мне позвонила из бутика Занавесина. Думал, это ее хобби в прошлом. Иван Павлович! Давайте поговорим о гонораре, который вы получите, если возьмете мою непутевую девочку на работу. Все-таки я имею слабую надежду на ее исправление. Так как, Иван Павлович? Очень прошу. Помогите.

– Хорошо, – согласился я. – Но у меня тоже есть небольшая просьба. Пусть Наталья не пользуется духами «Ночь восточной луны». У меня на них аллергия.

Загорский поморщился:

– самого от их запаха переклинивает. Уже говорил ей: «Смени парфюм. Невозможно дышать просто». Она ответила, что я вечно к ней придираюсь, всего один раз прыскается, а я выдумываю про нестерпимую вонь. Но ради работы у вас Наталья мигом духи выкинет.

Глава 9

Борис встретил меня словами:

– Я все узнал про Шмидта.

– Отлично, – похвалил я помощника и сел за стол. – Не откажусь от чая с кексом, который на буфете стоит.

– Утром испек, – отрапортовал помощник, отрезая кусок, – с вишней. Роберт Германович Шмидт. Его можно назвать примерным середняком. В школе у него были одни четверки, пятерка только по поведению. Ничем не выделялся из толпы: не пел, не плясал, ни в каких кружках не занимался. Я нашел в Интернете фотоальбом, который дарили выпускникам его класса. Один из бывших одноклассников его на своей странице выставил. Там снимки детей и педагогов, которые их учили. Под каждым фото небольшой рассказ. Сейчас продемонстрирую.

Борис открыл ноутбук.

– Вот, например, Егор Икин. О нем сказано: «Наш лучший певец, участник всех школьных концертов. Любит рыбок, сделал в кабинете биологии аквариумы и ухаживал за ними. Хочет испытывать самолеты. Гоша, мы верим, у тебя все получится». Катя Варина. «С первого класса говорила: «Стану хирургом» – и твердо шла к своей цели. Занималась в кружках биологии и «Оказание первой помощи», постоянный победитель всех олимпиад по анатомии, с восьмого класса училась в «Школе юного врача» при мединституте. Золотая медалистка. Катя, нам нужен свой врач. Через шесть лет жди всех нас на приеме». Вера Лабрисина. «Верочка прекрасно готовит, ее многоэтажные торты потрясающе как внешне, так и на вкус. Вера решила освоить профессию кондитера, она подаст документы в кулинарный техникум. Еще она занималась в кружке танцев, рисования, пела в хоре. У Лабрисиной очень много друзей, и всем, конечно, нужны красивые тортики. Верочка, когда ты победишь на конкурсе «Лучший «Наполеон» мира», не забудь Ингу Федоровну, преподавателя домоводства, которая тебя в третьем классе научила яблочную шарлотку печь».

Борис поводил мышкой по коврику.

– Теперь о нашем герое. «Роберт Шмидт. Очень хороший мальчик. Учился всегда на четверки. Желаем ему найти любимое дело». Ну как?

– То ли ребенок был настолько неприятен, что о нем не захотели доброго слова написать, то ли он вообще ничем не интересовался, – резюмировал я.

– А может, и то, и другое, – уточнил Борис. – Отец у парня был военным строителем, мать нянечкой в яслях. Жили в коммуналке. После получения аттестата Роберт пошел в институт учиться на взрывотехника. Три года осваивал профессию, потом перебрался в том же вузе на финансово-экономический факультет.

Я удивился:

– Поменял кардинально будущую профессию?

Борис начал стучать по клавишам.

– У студентов была большая практика. Три года подряд на летних и зимних каникулах Роберт трудился на разных стройках. Будущих взрывотехников не щадили, заставляли работать без отдыха. Небось Шмидт сообразил: не такая уж это сладкая профессия – бегать постоянно по жаре-холоду или в туннеле сидеть. В банке намного теплее, уютнее и работа нормированная, по звонку домой. На строительстве же вечный аврал, там и ночью пахать придется. Уж не знаю, как Роберту удалось перевестись, но он осуществил задуманное, досдал кучу экзаменов, зачетов и в конце концов получил диплом финансиста.

Я отрезал еще один кусок кекса.

– Эмма сообщила, что мужа заподозрили еще и потому, что он проходил воинскую службу как взрывотехник. У него в документах это указано, но в реальности парень в денщиках у генерала состоял. Ни слова про три года обучения работе с динамитом жена не сказала.

Борис показал на экран:

– После получения диплома Шмидта призвали в армию. И на самом деле в документах указано, что он осуществлял взрывработы на строительстве мостов. А что было в реальности, неизвестно. Генерал мог его в слуги взять. Или жена привирает. Или она правды не знает. Вернувшись к гражданской жизни, наш середняк расписался с Эммой, устроился в банк «Росоно», работал там простым кассиром, затем дорос до должности клерка в отделе. Через несколько лет перешел в «Крос» на лучшую зарплату и вакансию чуть повыше. Так там и сидел. Замечаний не имел, но и особых успехов тоже. В банке каждый начальник отдела раз в год подает наверх характеристики на своих подчиненных. Доклады о Шмидте как под копирку: «Не опаздывает на работу, выполняет задания в срок. Бюллетень не брал. Не отпрашивается по семейным обстоятельствам. Не пьет, не курит».

– Сплошные «не». Идеальный работник, – заметил я.

– Есть и иные «не», – возразил Борис. – «Не инициативен, не генерирует интересных идей. Участвует в корпоративных мероприятиях, но всегда уходит первым. Замкнут. Не имеет друзей в коллективе, кроме Стеллы Григорьевой, завдепозитарием. Часто обедает с ней, но не в столовой банка. Пара на перерыв уходит. Иногда их видят оживленно беседующими в холле первого этажа». Напротив инфы о Стелле поставлен красный флажок. Похоже, Шмидта подозревали в прелюбодеянии. Но более ничего предосудительного не отметили. Они просто вместе обедали. Отдел безопасности прекрасно знает, в каких помещениях сотрудники могут предаваться любовным утехам, в случае Стеллы это приемная, примыкающая к ее кабинету. Туда приходят VIP-клиенты отдела ячеек. Перед кабинетом нет секретаря, потому что посетители хотят сохранить инкогнито. О, наивные люди. Банк на своем сайте гордо заявляет, что в целях безопасности видеонаблюдение ведется только в операционных залах, на входе, на парковке. И любой клиент может попросить обслужить его в кабинке, где камер нет. «Недреманное око» отсутствует также в туалетах, во всех VIP-зонах, в подвале с ячейками.

– Предполагаю, что это ложь, – вздохнул я.

– Конечно, – согласился Борис. – Каждый уголок тщательно изучается. Но Роберт никогда в приемную Стеллы не входил. Теперь о Григорьевой. Вот тут интересная штука. Стелла – дочь Веры Федоровны Григорьевой, первой жены олигарха Максима Петровича Загорского, отца Натальи, которую вы на работу взяли.

– Погодите, – остановил я помощника, – только что я беседовал с Загорским. Он мне рассказал историю в духе индийского кино про то, как полюбил Елизавету Коркину, сделал ей, уже беременной, предложение, и оказалось, что она замужем за немолодым профессором. В конце концов Лиза и Максим стали мужем и женой. Ни про какую Веру Григорьеву Загорский не упоминал.

– И тем не менее она есть, – возразил Борис. – Брак длился менее года. Сразу после свадьбы, чуть ли не в первую брачную ночь, молодая забеременела. Через семь месяцев на свет появилась недоношенная девочка. Вес – три восьмьсот, рост пятьдесят пять сантиметров.

– Образцово-показательный недоносок, – восхитился я.

– Похоже, Максим тоже пришел в восторг, – усмехнулся Борис. – Он сделал анализ и выяснил: вероятность его отцовства почти нулевая. Невеста выходила замуж, будучи беременной от другого. Не новая идея прикрыть обручальным кольцом грех. Объясняя, почему бизнесмен не сообщил вам о первом браке. Он не разводился, добился аннулирования союза. Привел в суд свидетелей, которые поклялись, что брачных отношений толком не было. Вера спала с Максимом до загса, но это не считается, штамп тогда в паспорте не стоял. А после свадьбы жена плохо себя чувствовала, интима ни разу не было, совместное хозяйство они не вели. И...

эне, бене... Вычеркнули из жизни загс и свадьбу. Аннулирование не развод. Бывшая супруга не имеет ни на что права. Адвокат, которого нанял Максим, наверное, не получал больших гонораров, у Загорского тогда еще денег не было. Но он прошерстил биографию Григорьевой. Вера служила в гостинице на ресепшен. Адвокат представил свидетелей из служащих отеля, которые рассказали, что девушка любила покутить, выпить, задерживалась в номерах постояльцев, но ей даже пальцем не погрозили, потому что отец разнузданной красотки был управляющим этого отеля. Когда он внезапно умер, дочь мигом выставили за дверь. Она куда-то делась, потом пошла в загс с Максимом. Услышав такой доклад, судья вынесла решение об аннулировании брака. После разрыва Вера жила со Стеллой. Чем она занималась, не известно, сведений о месте ее работы нет. Прописана всю жизнь в одном доме в Каевом переулке, шесть. Четырехкомнатные кооперативные апартаменты когда-то построил ее отец. Через пару месяцев после аннулирования брака Вера сменила жилье, спустилась в том же подъезде с пятого этажа на первый. Теперь у нее была однушка, окна которой выходили почти на тротуар. Григорьева умерла два года назад.

Стелла окончила школу золотой медалисткой. Ни одной четверки за все годы обучения. И в вузе была первой. На втором курсе попала на практику в «Крос», очень понравилась местному руководству. Студентке предложили маленькую должность. Стелла перевелась на вечернее отделение, после защиты диплома ее быстро повысили. Карьеру Григорьева делала стремительно. Отлично ладила с людьми, на посту начальника депозитария завоевала любовь клиентов, нашла подход к самым капризным и нетерпимым. Взяла в своем банке ипотеку под низкий процент, купила трехкомнатную квартиру, продала родительскую однушку в центре, оплатила большую часть займа. У Веры пять лет назад отказали ноги, она села в коляску. Стелла определила мать в очень дорогую клинику, оплачивала все ее расходы. В городе колясочнику тяжело, гулять ему одному не выехать. А Вера спокойно выгуливалась в парк, получала отличное питание, массаж, врачей. Стелла была хорошей дочерью, она любила мать. У девушки, наверное, существовали амбициозные планы в отношении карьеры. С Робертом, на мой взгляд, никаких точек соприкосновения нет. Полярные личности. Почему они вместе обедать ходили – загадка. Думаю, Стелла – сопутствующая жертва при ограблении. Оказалась не в том месте, не в тот час.

Нашу беседу прервал звонок домофона.

Глава 10

Борис вышел, я взял очередной кусок кекса, Демьянка положила голову на мои колени и преданно заглянула мне в глаза.

– Нет, – возразил я, – уверен, что ты завтракала, ужинала...

Псина тихо заворчала, речь ее с собачьего языка явно переводилась так: «Иван Павлович, вы сами-то сколько раз чай с вкуснятиной пили? Кружечек пять опустошили, да с кексиком. А мне одна жалкая банка консервов за весь день досталась, и конец фейерверку? Несправедливо это. Горько и обидно». Кто-нибудь может спокойно наслаждаться выпечкой, когда рядом с шумом сглатывает слюну животинка с таким видом, словно она даже не нюхала провианта со времен входа Наполеона в Москву?

Я отломил кусок кекса и протянул попрошайке.

– Только ешь быстро. Борису это точно не понравится.

Демьянка схватила угощение, ее пасть захлопнулась, как пустой чемодан. Собака опять положила голову мне на руку. Я погладил вечно голодную подругу по макушке, потянулся к сыру и невольно рассмеялся. Прошли те времена, когда я опрометью бегал мыть руки, потрогав Демьянку. Зачем постоянно совершать омовение? Собака чистая, привитая, здоровая. Я давно перестал считать ее грязной. А потом... Осенью, когда еще не начался отопительный сезон, в квартире становится холодно, в особенности неприятно ложиться в постель, которая напоминает болото: сыро и зябко. Борис пытался засунуть мне под одеяло грелку, но я запротестовал. Когда ноги натыкаются на теплый предмет во фланелевом мешке, я чувствую себя столетним старцем, персонажем из романов Диккенса. В голову закрадывается мысль: вскоре мне понадобится колпак на голову, вязаная шаль на плечи, валенки, я перестану бриться... эдак и до памперсов недалеко. Ну уж нет. Лучше потерплю холод. Но однажды вечером, когда я мирно читал перед сном труд Блаженного Августина о ношении вериг⁴, по телу разлилось приятное тепло. Сначала я просто обрадовался тому, что исчезла ледяная сырость. Потом удивился, посмотрел под одеяло и увидел, что, несмотря на строгий запрет, Демьянка залезла на кровать и затаилась возле моей ноги. В первую секунду я хотел выгнать нахалку, сменить белье... Но пробило полночь, Борис спал, где в доме хранятся простыни и иже с ними, я не знаю. И мне стало так уютно, тепло... Я зевнул и заснул. После того раза Демьянка спит со мной. Летом, правда, от нее жарко, несколько раз я выгонял нахалку с постели, она уходила, садилась на мои тапки и принималась громко рыдать. Собачьи стенания действуют на мои нервы разрушающе. Теперь я ее не выгоняю из-под одеяла, единственное, что мне не нравится, – это видеть утром на подушке собачью морду.

– Иван Павлович, – сказал Борис, появляясь в комнате, – пришла дама.

– Я никого не жду, – удивился я.

Секретарь понизил голос до шепота:

– Она не к хозяину детективного агентства.

– А к кому? – не понял я. – К вам?

– К гадалке, графине д'Адиле, – выпалил мой помощник. – Ей назначено на семь. Дама с мадам Николеттой сегодня договорилась. Сообщила, что...

Секретарь сел к ноутбуку и поводил мышкой.

– О! Посетительница сказала правду. Сайт «Лучшие гадалки Москвы». Слушайте текст: «Если хотите узнать свою судьбу и что ждет вас в ближайшее и отдаленное время, выяснить свою цель в жизни, создать семью, родить детей, получить миллион в месяц, видеть, как испол-

---

⁴ Аврелий Августин Иппонийский, также Блаженный Августин (354–430) – христианский богослов, философ, один из отцов христианской церкви. Вериги – железные цепи, кольца, шляпы и др., которые верующие носили для смирения плоти.

няются ваши желания, гибнут враги, похудеть, помолодеть, стать звездой, смотрите наш рейтинг гадалок. Все они обладают ярким экстрасенсорным даром, умением вляпываться во Вселенную»...

Я рассмеялся:

– Прелестное сообщение. А выражение «вляпываться во Вселенную» в особенности хорошо.

– Рейтинг гадалок посмотрите, – попросил Борис. – Кто там под первым номером?

– Графиня Николетта д'Адиле, – озвучил я, – потомственная ведунья. Чтение по руке. Распорчивание навсегда, убирание венцов холостячества и ожирения. Князя д'Адиле на протяжении тридцати веков занимались хиромантией, кармизмом... М-да! Николетте нужно определиться, графиня она или княгиня.

– Эй! – закричал из прихожей визгливый голос. – Долго мне тут тухнуть, а?

– Ступайте в холл, займите даму чем-нибудь, – велел я секретарю.

Борис убежал, а я набрал телефон Николетты.

– Вава! – закричала маменька. – Наконец-то я сумела с тобой соединиться.

Сообщать Николетте, что это я ей позвонил, не стоило.

– Привез покупки? Немедленно дуй в гостевую. Сделай там все как на фото, быстро, клиентка едет, я появлюсь через пять минут, сразу начну гадить, то есть гадничать, фу! Гадалить! Вава, очнись, не спи, живо беги. Эй, ты где? – на одном дыхании выпалила графиня-княгиня Адиле.

– Внимательно тебя слушаю, – ответил я. – Есть вопрос: почему ты решила гадить, гадничать, гадалить или просто гадать?

– Чепуха потом, – взвизгнула маменька, – сначала дело. Ускорься! Не жуй, как обычно, свой галстук.

– Клиентка уже тут, – сообщил я.

– Вава! Немедленно сvari ей... Нет, Бориса! Срочно! Сюда. Ко мне.

– Адрес скажи, – попросил я.

– Чей?

– Места, где ты находишься.

– В твоём дворе!

– Сейчас Борис спустится.

– Зачем?

– Ты же приказала ему срочно идти к тебе.

– К телефону! – взвыла маменька. – За что мне первый муж неповоротливый умом достался? А сын весь в папашу! Горе мне, горе! Немедленно дверь отворите! Явлюсь вам!

Домофон стал издавать серию гудков, спустя пару мгновений голос Николетты заполнил всю квартиру:

– Дорогая... э...

– Таня, – ответила не званная мной гостья.

– Душенька, – сладко запела маменька, – я задержалась немного, обескармливала лестницу, за вами тащился жирный хвост отрицательной энергии. Сюда, сюда!

В гостиную проник тонкий запах дорогих французских духов, за ним всплыл жуткий ванильно-карамельно-медовый аромат, и появились обе дамы.

Николетта включила светскую даму:

– Дорогая Маня, присаживайтесь, познакомьтесь, мой клиент барон Иван Подушкин.

Делать нечего, я встал и поклонился:

– Очарован знакомством, Татьяна.

Тетушка в платье из бордового искусственного велюра кивнула:

– Верно, я Таня, а не Маня.

Наивная! Она полагала, что Николетта смутится, извинится... Ан нет! Маменьку щелчком из седла не выбить.

– Таня вы по паспорту, – пропела она, – а Маня для того, чтобы порчу снять. Любезный друг, князь, вы отлично ориентируетесь в гадальном кабинете, попросите моего секретаря Бориса сварить особый напиток.

Так я барон или князь? Я подавил смешок и встал:

– Конечно. А он знает, о чем речь?

Маменька прищурилась, открыла рот, но вовремя вспомнила, что я ей не сын, а князь-барон, и пропела:

– Естественно. Он его еще графу Сен-Жермену готовил. И, мой дружок, барон, заберите свои вещи из гадлючей комнаты.

Я вышел в коридор и увидел секретаря с телефоном в руке.

– Ваша маменька прислала мне странное сообщение на ватсап. «Шерсть от Вавы, листья зеленые любые, запах вашей дворняги, какао, ряженка, минералка. Яйцо сырое, соль, перец, любых специй побольше, черные чернила Вавы, горчица. Маленькое белое полотенце. Смешать, вскипятить, настоять двадцать три часа и немедленно нести. Должно быть готово через пять минут. Комнату оборудовать, как на фото. Живо».

Борис закончил декламировать бред.

– Что это? Настаивать двадцать три часа, но подать прямо сейчас? И как все успеть?

– Помогу вам, – пообещал я. – Ступайте к плите, а я займусь гостевой.

И тут снова ожил домофон, не удосужившись посмотреть на экран, я нажал на клавишу, потом открыл дверь. На пороге стояла магазинная воровка Наташа.

– Добрый вечер, – вежливо произнесла она. – Папа сказал, что вы меня берете детективом-стажером.

Борис потупился, а я несказанно обрадовался:

– Отлично, но сначала сдайте экзамен на скорость. Сейчас вам Борис... э...

– Сергеевич, – подсказал секретарь.

– Пришлет фото, вон там пакеты и картонный ящик, – показал я. – Необходимо за пять минут преобразить комнату. Сделать ее точь-в-точь такой, как на снимке.

– Это невозможно, – заскулила Наташа, – только распаковывать пакеты придется час.

– Тогда вы нам не подходите, – отрезал я. – Нам с партнером не нужны те, кто, ничего не сделав, заявляет: «Это невозможно».

Ната кинулась к моим покупкам.

– Борис Сергеевич, какую комнату надо оборудовать? Только покажите.

Глава 11

– Есть задания, которые невозможно выполнить, – тихо сказал Борис, когда мы с ним вошли в кухню. – При всем желании человек не может освоить игру на скрипке за один день.

– Но хоть какие-то звуки из нее он извлечет, – усмехнулся я. – А для некоторых людей «пиликанье» уже музыка.

Борис открыл шкафчик.

– Иван Павлович, вы назвали меня партнером, но я ваш секретарь на окладе.

– Намеренно солгал. Наталья с гонором, еще сочтет вас равным себе и начнет дерзить. А с компаньоном владельца агентства она будет вести себя уважительно, – объяснил я.

– Спасибо, – поблагодарил помощник.

Я улыбнулся:

– В моем классе учились мальчик Кирилл и девочка Маша. Их мамы дружили с детского сада, считали себя сестрами, дети тоже росли вместе, были очень близки, учились на «отлично», в дневниках стояли косяки пятерок. Но Кирюша был тихий, спокойный, вдумчивый, любил на переменке посидеть или у окна помечтать, в драки не лез. А Маша была огонь, веник на реактивной тяге. Она носилась по коридорам, как на метле летала, успевала одновременно оказаться в пяти местах. Наши ребята ее побаивались, потому что получить от белокурой, голубоглазой, ангелоподобной девочки кулаком в глаз ничего не стоило. Кирюше от лучшей подруги по сто раз на дню доставались зуботычины, Маша его постоянно воспитывала, заставляла делать все быстро и называла «Моя большая черепаха». Однажды к нам в класс пришла новенькая ученица Катя Иванова, на редкость, как потом выяснилось, противная девица. В девять лет уже готовая интриганка. Катя выбирала кого-то из детей и методично доводила жертву до бешенства. Делала ученику гадости, говорила ему неприятные вещи. Один раз в присутствии толстой неповоротливой двоечницы Ани Катерина громко заявила: «Мне мама не разрешает конфеты есть, от сладкого делаешься жирной и страшной, мозг зарастает салом, поэтому плохо учишься. Все, кто много весит, уроды и дураки». Аня с размаху стукнула Иванову, та зарыдала, побежала жаловаться учительнице. Наказали... Аню. Катя-то не с ней беседовала, просто вслух рассуждала. Понимаете, как действовала подлая девчонка? Как-то раз Иванова принялась «щипать» Кирюшу, хотела довести тихоню до драки. Но она не подумала про Машу. В тот день, когда Иванова начала исподтишка издеваться над Кириллом, Маша подстерегла ее после уроков в парке, запихнула голову Ивановой в урну для мусора и произнесла фразу, которая вошла в золотой лексический запас одноклассников: «Кирюшу могу обижать только я, остальные окажутся мордой в дерьме».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.